

А.А. Гребенкин

ОГНИ НАПРОТИВ

рассказы,

сказки,

стихотворения,

миниатюры

Москва, 16 сентября 2018 года

СОДЕРЖАНИЕ

Смерть поэта	4
Летучая мышь	24
Собака.....	26
Притча о кочевнице и земледельце	31
Сказка про принцессу, рыцаря и премудрого лося	33
Сказка о том, как один прапорщик двух генералов спас	40
Сказка о шёлковых кисточках	44
Как рассказали бы сказку «Три поросёнка».....	47
Вечера на хуторе близ Лубянки. Пропавшее письмо.....	50
Полезные советы	57
Генеральная уборка с вариациями	61
Самолёт любви	64
О различиях в божественном и человеческом восприятии	67
Теоретический Геннадий.....	71
Опаздывающая красавица	73
Аннотация к фильму «Горько-2»	78
Аннотация к детской повести «Травка»	79
Киборг (киносценарий).....	81
Об электронных слугах дьявола (письмо крестьянке).....	82
Мамакиавелли (античная трагедия)	84
Сбербанк – банк, который всегда рядом	88

Почта XXI века, или Убей себя об стену.....	92
Времена прогресса (технологическая фантазия)	94
Закалённый электорат, или Маразматический автобус	96
Автобус над бездной.....	100
День здоровья, или Предсказуемая задница	109
Грозовой май или Предсказуемая задница-2	114
Протокол торжественного собрания, посвящённого 8 марта	117
Отчётное совещание, или Сбор камней в пустыне.....	119
Пятничное совещание.....	123
Проба тормозов	125
Приказ по личному составу	127
Психологический тест для госслужащего	128
Разговор в курилке о музыке	129
Москва – Мытищи.....	131
К.А. («Метель»).....	136

Смерть поэта

(беспорядочные хроники)

День начался стремительно. Мгновенная смена картинки: вместо ночной темени – ослепительно-яркое небо и солнце, прожигающее шторы насквозь. Проглотив обжигающий кофе, выбегаю из дома. Дел масса – и все приятные. На книжный развал, в музыкальный, на посиделки с друзьями. Много можно успеть в последний день отпуска.

Какой светлый день! Все лица кажутся приятными, и даже в маршрутке играет веселый там-дадидам вместо вечного шансона.

...Гудит домофон. Прибыла представительная делегация. Встречаю друзей при полном параде, даже тапочки нацепил. Сто лет вместе не собирались. Серый, высоченный блондин с романтической внешностью, мечтательный и неторопливый. Лёша, взлохмаченный интеллигент в очках, вспыльчивый и эксцентричный. Гарик, толстеющий эпикуреец, юморист и душа любой компании.

По мере убывания пивных запасов развязывается философская дискуссия. Все уютно расселись по креслам, и только неугомонный Лёша жонглирует теннисным мячиком. Разговоры о поиске предназначения, о любви, вечности и свободе. Беда с этими гуманитариями.

– «Жизнь – это сон. Любовь – это сновидение» – красиво цитирует Серый. Лёша идет в наступление.

– Так-так, экзистенциалистами запахло. Уж мы их душили-душили...

– Эки кем?

– Стенциалистами. Небольшой ликбез для тружеников пера и кофеварки. В европейской мифологии экзистенциалист – крот с горящими глазами и медной шерстью, появляющийся в сумерках. Отличительные черты: жалеет о том, что не умер кротёнком, думает, что сумерки – самое светлое время суток. Презирает себя и одновременно считает того же себя выше других. При

попадании на него солнечных лучей становится бесноват и агрессивен. Крайне ядовит. Погибает, случайно укусив самого себя.

– Сартр и Камю были кротоми?

Небольшая свалка, пролетает диванная подушка. Дым коромыслом, все уже говорят одновременно.

А мои мысли где-то далеко. Рассеянно слушаю долетающие реплики дискутирующих:

– Стремиться к свободе – значит стремиться к одиночеству. Это вопрос не возможности, а желания...

– Один из древних скульпторов, назовем его Сократ, говорил, что в любви проявляется наше стремление к вечности...

– А вот что я думаю...

– Оригинальная мысль!

– Нельзя не мыслить оригинально. Мысль всегда субъективна, и, следовательно, оригинальна, поскольку оригинальны все субъекты...

... Курим на балконе. Далеко-далеко, над краем горизонта показался маленький черный самолет, набирающий высоту. На мгновение он стал оранжевой чайкой, купающейся в закатном солнечном луче, блеснул и скрылся из виду.

Быстро темнеет. Незаметно стих ветер, перестали шелестеть беспокойные листья. И вот уже глубокая ночь. Месяц в последний раз блеснул далеким огоньком из-за дымчатого облака и погас.

.....

Контора плавилась от жары.

Едва появившись на рабочем месте, получаю звонок.

– Максим, зайди.

Это начальник. Пулей взлетаю на девятый этаж, осторожно перекатываюсь через порог кабинета. Уфф, сбил дыхание. Нужно курить поменьше.

Шеф утопает в кожаном кресле и смотрит в заставку на компьютере. Классический высокопоставленный шеф. Уши, чуткие к политическим коле-

баниям. Когти, отточенные в подпаркетной борьбе. Череп австралопитека. Ключки шерсти на макушке. Где-то в глубине теплится мозг. Наверное.

– Доброе утро, Николай Николаевич.

– Доброе. Просмотрел я твою справку. В целом пойдёт, но нужно внести существенные поправки. Смотри, вот я набросал. Второй и третий абзацы поменять местами, слово «эффективный» вот здесь заменить на «результативный», вместо «имеет место» напиши «имеет место быть». А здесь всё убрать после запятой.

– Николай Николаевич, так же будет хуже. Быть – лишнее. Иметь место – это и значит быть. А тут все предложение станет некрасивым.

– Каким?

– Ну, одного смысла ведь мало. В тексте же должна быть мелодия.

– Чё?

– Я еще подумаю, тут возможны варианты. Нужно поиграть словами.

– Ну-ну, поиграй, композитор. Пятнадцать минут на доводку, мне скоро докладывать.

– Сделаю.

На редкость содержательный разговор. Срочно перекурить.

Звонок.

– Максимыч!

– А?

– Там вратарь на проходной не пропускает делегацию к шефу. Пропуска со вчерашней датой. Сделай что-нибудь.

– Понимаете ли Вы, кого отвлекаете от забот о судьбах человечества? Тут героический человек пытается победить природу и обстоятельства, а ему навязывают несвойственные функции.

– Товарищ человек и пароход! Меня сейчас морально изнасилуют! Шеф скоро убегает.

– Остановить насилие – наша задача. Ладно, сделаю. Кстати... Что-то хотел сейчас сказать, разумное, доброе, вечное. Эпохальное... А, вот: можешь стащить пару скоросшивателей из 3 отдела?

– Статья 158 УК РФ. Но для тебя стащу.

... Прибегаю от шефа обратно. Компьютер уже в спящем режиме. Что тебе снится, мой белоснежный соратник?

За окном шелестит моё дерево. Окна кабинета выходят во внутренний двор, а сижу я на четвёртом этаже. И прямо из стены каким-то образом растёт тонкое деревцо с пушистыми темно-зелёными листочками. За что уцепилось, чем питается – непонятно. Маленькая жизнь в каменной коробке.

Звонок.

– Максим!

– Да.

– Выручай, косяк получился.

– What's up, my nigger?

– Помнишь, я писал письмо тому консультанту – члену рабочей группы?

– Ну. Сидоренко его настоящая фамилия.

– Так вот, досадная опечатка вкралась. Вместо «полковнику такому-то» получилось «полкВонику такому-то». И кроме этого, он к моменту получения письма стал генералом. Три дня как дали.

– Обиделся?

– Не очень. Топают ногами и грозят разнообразными карами.

– Внимательнее надо было писать письмо холерику.

– Ты же с ним не раз пересекался и, естественно, оставил хорошее впечатление.

– Не могу устоять против грубой лести.

– Но ведь писал же положительный отзыв на его бредовую диссертацию. Позвони и тепло поздравь с генералом. А заодно посетуй о досадной технической ошибке.

– Честно говоря, не хочется. Как я к нему подход найду? Слабоват я в теории животноводства.

– Теория мертва без практики. Позвони, а?

– Ща позвоню.

Мда, удовольствие на любителя. Генерал, значит... Полтора центнера самомнения. Физиономия хряка-призёра международных выставок. Уши торчком, щёки блестят и шевелятся при ходьбе. Оставляет за собой густой аромат дорогущего парфюма. В мыслях замечен не был. Характерный фрагмент его речи: «Говорить об этой системе, по моему мнению, пока затруднительно, принимая во внимание полное отсутствие этой системы, то есть её неналичия как таковой». Блестяще. «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает». Но вещать и поучать любит – страсть. И всё-таки – генерал. Пробивная сила – как у боевого слона. Вхож, ценим, одобряем, перспективен, незаменим. Архиполезное знакомство.

Гкм! Откашливаюсь, чтобы придать мягкости баритону. «Понимаете ли Вы, кто сидит перед Вами на другом конце провода?» Гоголь. «Шинель». Адаптированная цитата.

– Добрый день, Александр Иванович!

– Слушаю.

– Вас беспокоит Максим Грибоедов, если помните такого. Можно Вас отвлечь на секунду?

– Слушаю.

Обезьяна! Слушает оно. Хоть бы поздоровался, всё-таки положительный отзыв писал ему. Да и вообще поддерживал в годы его полковничьей юности.

– Просто хотел Вас поздравить с присвоением давно заслуженного звания и переговорить по одному мелкому вопросу...

Уфф! Тяжела ты, папка Мономаха.

Звонок.

– Максимыч!

– У аппарата.

– Можно, я завтра опоздаю на час?

– Переведи будильник на час раньше и не опоздаешь.

– Да не, я серьёзно. Нужно порешать проблему на личном фронте.

– Полугодовой отчёт готов?

– Завтра и закончу.

– Нет, так не пойдёт. Знаешь, что говорит по этому поводу народная мудрость? Не достав зажигалки, не закуривай. Сначала отчёт, а потом занимайся чем угодно – хоть овец разводи в Австралии. Конец связи.

Звонок.

– Максим Максимович?

– Слушаю.

- Вас беспокоят из аппарата юрисконсульттов. Вы обещали продиктовать свои предложения к проекту плана на среднесрочную перспективу.

– Диктую...

Звонок.

– Максим Максимович, начальник ждет тезисы его выступления на министерском совещании.

– Уже несу.

И так целый день. Носишься, как собака в репейниках. Всё, нужно садиться за вчерашний документ, там какой-то интеллектуальный прорыв намечился.

Звонок.

– Макс!

– Гав!

Это Бегемотов, мелкий очкарик из соседнего отдела.

– Меня завтра не будет. Окажи услугу. Приедет важное тело, передай ему бумаги. И прокомментируй написанное.

– После моего комментария не возьмёт.

– Хорошо-хорошо, титан мысли! Такая облезлая папка перед компьютером.

– Других у тебя и не водится. Ладно. С тебя причитается.

– Обижаете, Мафусаил Мафусаилович! Свои люди – сочтёмся.

Вот чёрт, с мысли сбил... Так вот. «Вместе с тем, существуют и определённые резервы для повышения эффективности многостороннего взаимодействия в рамках сложившихся процедур...» Гм, неплохо. Лев Николаевич заплакал бы от зависти. Нужна ли здесь запятая? «Указанные факторы указывают на...» Нет, нельзя. «Указанные факторы говорят о...» Да не говорят факторы! «Указанные факторы...» Ступор какой-то. Вот! «Анализ указанных факторов показывает, что...» Зашибись.

Звонок.

– Макс!

– Кто это?

– Брюс Уиллис. Хотел сказать спасибо, ты меня здорово выручил тогда в горящем небоскрёбе.

– Серый, ты?

– Ага. А ты там уже совсем – однокорытников не узнаешь? Звезду поймал. Три дня не отвечаешь на звонки и эсэмэски. Забронзовел и омонументился. Ты мне нужен позарез. По делу, ведь мы коллеги в некотором роде, прости за наглость. Где можем пересечься?

– Давай в Ясенево, у памятника героям-наркодилерам. В 8 вечера.

– Окей. Точнее, окэй.

Итак, на чём я остановился? «Представляется целесообразным... полагаем целесообразным... видится целесообразным...» Как же лучше? «Предложить следующий порядок освоения бюджетных средств... при этом руководствоваться абзацем вторым подпункта пятого пункта шестого раздела тринадцатого (страница 18)». Так. А затем пойдут выводы и предложения. «Подытоживая сказанное...» Нет, некрасиво. ПодЫтоживая. «Резюмируя вышеизложенное, полагаем целесообразным...» И вот здесь понеслось – и

про «полноту и действенность нормативной правовой регламентации», и про «разработку эффективных механизмов взаимодействия». Угу.

Высунув язык, набиваю со скоростью три абзаца в минуту. Минута вдохновения неделю кормит.

Звонок.

– Макс!

– Ну?

– Ты же собирался на заседание экспертной группы.

– Блин, забыл. Пять минут осталось.

– Можешь там перехватить помзамначупра Иванова и передать ему дискету?

– А как я его узнаю?

– Спроси лучше, как ты его забудешь. Такой персонаж! Бабуин, играющий в шахматы. В общем, одухотворённое лицо. Высокий лоб, горящие глаза, папка под мышкой. Волосатая голова. Сориентируешься.

– Исчерпывающее описание. Ладно, заноси.

Итак. «Нарушение геополитического равновесия, обусловленное...» Чем же обусловленное? А, вот: «деструктивной деятельностью ряда субъектов».

Бегу на заседание экспертной группы. Много лишнего народу набилось. Это естественно, всё живое ищет досуга. Раскладываю бумажки. Ну, понеслась...

Возвращаюсь к себе в камеру. Нужно позвонить насчёт подборки правовых актов к послезавтрашнему совещанию. Надеюсь, хранители юридической мудрости ещё не свалили. Шансов мало, рабочий день кончается через полчаса.

– Добрый вечер!

– Здрасьте.

– Я по поводу заявки на подборку, вчера заходил к вам. Грибоедов моя фамилия.

– Зайдите завтра после обеда.

– Спасибо свидания.

Так, что-то в Сеть не могу выйти. Комп модема не видит. Если только открутить модем и показать ему в монитор? Ну, вообще завис. Твою мать! Кстати, интересно представить себе мать компьютера. Такая пластиковая тетка с причёской из проводов и модемной внешностью. Всё, перекур, иначе крыша поедет.

Звонок.

– Максимус!

– Я за него.

– Новость слышал?

– Даже не одну. Учёные совершили прорыв в исследовании стволовых клеток. Саммит глав государств Евросоюза...

– Всё шутим. Завтра приезжает большое начальство, может, даже САМ приедет. Ну а замСАМа – точно. Весь отдел уже в беговке.

– Мои действия?

– Сбрось свои прошлогодние тезисы для итогового совещания и всю текущую статистику по форме одиннадцать. В развёрнутых таблицах.

– Хорошо, подсылай носителя информации.

... Возвращаюсь домой. Догорает последний летний день. Грустно. Закат лета – предчувствие долгой осенней ночи. Над домом зажглась далёким светом моя любимая звезда. Ночью будет дождь и она на время погаснет. В голове рождается невесомое стихотворение, как будто подсказанное тёплым ветром, прилетевшим из сумерек.

Погасли звезды.

Вселенная во власти

Летнего дождя...

.....

Дома включаю телевизор и тупо щёлкаю пультом. Да, много каналов. Времена прогресса! Чем порадуют телеведущие? Так, реклама: «эта сти-

ральная машина станет вашим лучшим другом!» Криминальные новости. Криминальные новости в просто новостях. Интервью с продасером. Реклама прокладок. Какая-то рожа во весь экран. Гопники-фонограммщики. Реклама мыла. Интервью проститутки. Мультик для дебилов. Ужастик. Реклама рекламного агентства. Ток-шоу на тему абортов. Престарелый поп-идол в шортах. Передача про крокодилов. Катастрофы недели. Интервью с козлообразным писателем. Стоп, где там были крокодилы? Вместо крокодилов – уже реклама.

Растерявшись от разнообразия выбора, включаю музыку и перебираюсь с сигаретами на балкон. Высшее всё-таки наслаждение – смотреть в ночь и слушать музыку, щемящую сердце.

«There's no time for us,
There's no place for us,
What is this thing that builds our dreams, yet slips away from us».

Да. Никогда нет времени. Время... Неосязаемая и безжалостная материя. Истончается и тает с каждым днем. Только слышно, как сыплется сквозь пальцы песок разочарований. И нет в этой стремительной жизни места для настоящих чувств. И мечты ускользают одна за другой. Остаётся лишь тоска и равнодушие ко всему.

«Forever is our today...»
Завтра – это иллюзия. Есть только сегодня. Бесконечное сегодня.
«Who wants to live forever?
Who dares to love forever?
When love must die».

Кто хочет жить вечно? Кто осмелится любить вечно? Если любви суждено умереть...

С балкона слышно, как за лесом стучит ночная электричка. Есть что-то романтическое в уходящем поезде. Кажется, что он уходит в другую, лучшую жизнь, мигая на прощание красными огоньками.

.....

С самого утра в колодцах дворов, заслонённых панельными высотками, началась возня доисторических мусоровозов с неподъёмными ржавыми баками. Включились выключатели, закрипели диваны, полилась вода из кранов, началось всеобщее незримое шевеление. Завелась пружина каменного муравейника.

Прибегаю на станцию. Огромная толпа в ожидании электрички. Все в Москву, которая не резиновая. Тактическая борьба у мест открытия дверей, выверенных до сантиметра. Гудок машиниста, нетерпеливый гул толпы. Первые такты железнодорожной симфонии...

В голове какая-то каша. Так, приезжает замСама с проверкой, потом закончить обзор, перепроверить отчёт, обзвонить членов экспертной группы, а там видно будет.

Неожиданно всплывает строчка из давно прочитанной японской антологии: «Светлеет небо. Проснулся ветер в кронах вечных сосен...». Какая дивная поэзия... Светлеет небо...

Проснулся репродуктор: «Покупайте проездные билеты. Это позволит сократить расходы на проезд более чем в три раза, а удобная бесконтактная карта облегчит проход через турникеты».

В Москве уже был день. Интересное все-таки выражение – «на злобу дня». Если приподнять метафизические пласты языка, сколько интересного найдется. Гм. «Анализ языка как средство диагностики менталитета». Любопытная тема для гибрида философа и филолога. То есть философолога.

Краем уха улавливаю голос гида-зазывалы у пустого туристического автобуса. «Через два часа автобус вернется на это же место. Едем отдыхать, знакомиться с городом...».

– Беляши-чебуреки горячие! Горячие беляши-чебуреки-пирожки!!!
БЕЕляши! ЧЕЕбуреки горячие!

– Мущина! А мущина! Мущина с сумкой!

Тётя в будке платного туалета, притаилась за дверью и изготовилась к прыжку.

Нервная утренняя толпа, похожая на серо-бурый оползень, стремительно втекает в подземный переход.

Спускаюсь в метро. «Уголок дедушки Дурова приглашает гостей. Дикообразы, единственная в мире мышинная железная дорога... Телефон экстренной психологической помощи... Если Вы обнаружили забытые вещи... Если вы обнаружили подозрительных лиц в вагоне поезда ...»

Ныряю в Контору, раскланиваясь со знакомыми.

.....

И этот день ничем не отличался от тысяч других. В голове какая-то пустота. С самого утра идёт мелкий холодный дождь, и к вечеру он стал ещё сильнее. Всё вокруг пропитано парящей водной пылью. Весь мир утонул в сером мареве.

Смотрю на часы. Ровно восемь. И вдруг больно становится от мысли, что в это самый день и час, ровно год назад мы были вместе. Сквозь пелену дождя всматриваюсь в её образ, такой близкий и такой далёкий. Чёрные волосы с едва уловимым нежным, манящим ароматом... Тёмно-карие глаза, в глубине которых как будто прыгают солнечные зайчики. Прекрасное творение жаркой южной ночи. Стоит увидеть её один раз – и никогда уже не станешь прежним. Вся жизнь расколется на две половинки – «до» и «после». И навсегда останется недоумение – как можно было жить, не зная о ней, как можно было дышать, не думая о ней при каждом вдохе.

Наверное, это и есть любовь – непобедимое желание быть вместе с ней – всегда, каждую минуту. Когда кружится голова при одной мысли о ней. Когда глухой безмолвной ночью просыпаешься и долго смотришь в темноту. Просто показалось, что она рядом, что можно почувствовать тепло её тела, услышать её спокойное дыхание. Показалось. И этому не хочется верить. Хочется, чтобы ночь исчезла навсегда и Она пришла бы вместе с рассветом.

Печальный лунный свет

На водной глади...

Рассветный час далёк.

Но снится мне:

Так близок...

.....

Ещё один вечер понедельника. Сажу на балконе с сигаретой. Начавшаяся неделя висит на душе своей тяжестью и не дает расслабиться. В самом воздухе есть что-то напряжённое. Обдумываю сценарий завтрашнего рабочего дня, мысли насакаивают друг на друга.

Но вдруг всё неуловимо изменилось. Я поднял голову и увидел, что вошла луна. Снежно-белая луна над тёмной грядой наступающих осенних облаков. Проблемы ушли прочь и издалека кажутся нелепыми.

Я знаю, Она тоже любит смотреть на луну. Есть хоть что-то, на что мы посмотрим вместе... И, может быть, одновременно...

Листья уже облетели с деревьев, жёлтым ковром светятся в лунном свете. А над ними – огромное пространство, которое нечем заполнить. Пустой мир, выстеленный листьями. Эту пустоту не заполнить ничем – до весны. До весны...

.....

«Прекрасная пора, очей очарованье!» Обледеневшие космы деревьев раскачиваются над грязными тротуарами, в лужах плавают листья-утопленники, серое небо к вечеру наливается черным.

От вокзала в разные стороны расходятся электрички, заполненные усталой биомассой. Москва, Москва... Москва – это город, где звёзд не видно.

Машинально бросаю окурок в шапку нищего.

По вагонам снуют толпы красноречивых торгашей, нагружённых всяким барахлом.

– Для тех, кто забыл взять почитать в дорогу! Кроссворды и сканворды...

– Только наше средство поможет вам победить злое насекомое – моль...

– Вы легко можете прикрепить этот фонарик ...

– Вам предлагается волшебная игрушка! Игрушка, которая умеет расти...

– Наносим пятновыводитель на влажную поверхность...

Так, а это что-то необычное вползло из тамбура. Что скажет?

– Извините, что к вам обращаюсь... Я ветеран вьетнамской войны...

Понятно. Вечер на дворе, а горло промочить нечем. Тут ветераном Куликовской битвы назовёшься.

Напротив меня дремлет миловидная женщина. Пухлые губки, вьющиеся волосы. Аккуратный, чуть вздёрнутый нос. Неожиданно она открыла глаза. Её лицо сразу стало некрасивым.

Смотрю в исцарапанное стекло. Предпоследняя станция. На скамейке под газетой спит старый бомж в лохмотьях. А что было в начале? Закрываю глаза и вижу, как бомж превращается в ребёнка на руках у матери, смотрящей на него с восторгом и надеждой. Забавный карапуз с синими лучистыми глазами. Судьба – это характер? Или что-то другое?

Из темноты vyplывают надписи на заборах. «Менеджеры – слуги дьявола». «Свиньи рулят». «Маша, я тебя люблю!». «Перец – козёл».

Недостроенная кирпичная башня. Целых десять минут – одни гаражи. Труба с лесенкой, похожая на лагерную вышку...

Долетает обрывок разговора: «нет, ты не понимаешь! С человеческих позиций он поступил хорошо, а вот с других позиций...» Интересно, это с каких же?

Ну наконец приехали. По темному подземному переходу бредут недавние пассажиры, мобильниками освещая свой путь по изгрызенным ступенькам.

Сворачиваю к дому. По-больничному ярко светят фонари. Лужи цвета нефти. Зацепившись за мусорный контейнер, шелестит и подрагивает большой дырявый пакет. Дорогу перебегают кошка. Слишком темно, чтобы увидеть, какого она цвета. Из темноты выползает старушка с двумя твякающими уродцами в комбинезончиках.

У подъезда разговаривают матом два пьяных окурка. Всё как обычно.

Дома не могу найти себе места. В душе какое-то неуютное чувство, как будто свет не выключен в коридоре. Тяжело на душе. Наверное, та кошка всё-таки была черной.

Выхожу на балкон. Огромная луна заливает пространство своим желтым дурманящим сиянием. Зловещая, волчья луна в мареве мелкого дождя.

Этот дождь бесконечен

Как разлука с тобой.

Поздняя осень...

.....

...Сегодня у меня суточное дежурство, пришлось встать пораньше. За окном – уже настоящая зима. Бесконечная белизна от земли до неба. И только далеко внизу одинокий лыжник упрямо бежит от инфаркта.

В Москве идёт мокрый снег. Как будто серое зимнее небо дало трещину и на землю посыпались кусочки небесной штукатурки. Прячусь от пронизывающего ветра за стенами Конторы.

В десять часов сверхважное мероприятие – визит к Саму с бумагами. Распечатываю, выбираю скрепку покрасивее. Нет, красная не пойдет, будит агрессивность. Повязываю новый галстук, смотрю на себя в зеркало. Да, этот молодой человек достоин лицезреть и предвосхищать неизречённое.

Приёмная с сонными секретаршами. Помощник Сама делает разрешающие жесты, раскачиваясь из стороны в сторону. Суетливый, вертлявый человечек. Глазки бегают. Взгляд собаки, пробегающей мимо места, где её недавно ошпарили.

Неожиданно в приёмную забегают толстый дядя по прозвищу Саботаж. Его любимое словечко. Реакция на все служебные происшествия – от просроченного документа до незаряженного степлера. Оставляет дорогую папку на столе, сосредоточенно кивает мне и выходит. Да, у него не так уж много выражений лица в запасе.

Просачиваюсь в огромный кабинет Сама. Ковры, хрусталь, красное дерево. Смотрит на меня поверх очков. Прежде так близко его видеть не дово-

дилось. Разве что по телевизору. Осторожно приближаюсь к нему и кладу на край стола бумаги. На редкость серая внешность, хоть бы что-нибудь примечательное. Хмурое и вялое лицо. Наверняка родился в этом кабинете, сразу в костюме. И никогда не задирает голову, чтобы посмотреть, как падают капли дождя. И никогда не обращал внимания на отражение неба в стеклах офисных зданий. О приближении весны ему говорит календарь, а не свежий ветер, пробившийся сквозь затхлый зимний воздух...

– Как вас?

– Максим Максимович.

– Срочно несите на отправку. Вне очереди.

– Будет сделано.

Долистывает принесённое, рисует подпись.

Ну всё, гора с плеч. Теперь вопрос будет решаться в высоких сферах, а мы будем сидеть и наблюдать за полетом гиппопотамов.

Вываливаюсь из приёмной и натыкаюсь на Шурика с двумя папками. Сто лет приятельствуем. Хороший парень.

– Макс, привет! Как сам?

– Да осточертело всё. Надо сваливать.

– А ты думал, в сказку попал? Жизнь требует усилий. Ладно, давай. У меня уже земля горит под копытами.

Бегу в секретариат. Навстречу – ещё один знакомый.

– Макс, куда летишь?

– К чумработницам. Хочу проконсультироваться с Капотней Александровной насчет оформления заявки по форме двенадцать.

– Попутного ветра! Пусть солнце сверкает на твоих доспехах.

– Твоими молитвами, плагиатор!

... Звонок.

– Максим, там шняга пришла. Подключайся.

– Кириллов её видел?

– Видел.

– Как отреагировал?

– А как он мог отреагировать? Ударил себя пяткой в грудь и побежал исполнять.

– Ладно, завтра с утра посмотрю.

Звонок.

– Максим Максимович, прочитали мы Ваш обзор, только одно замечание. Вы разную терминологию используете в двух местах – страницы пять и двадцать один. Нужно бы привести к единообразию.

– Приведу. У вас есть еще пожелания?

– Нет.

Зато у меня есть. Убей себя об стену! Картонный юрист, чёрт бы тебя побрал! «Единообразие». Вот странное слово. Как представляю себе некое Единообразие, выползающее из-за шторы. Однако нужно собираться. Выступление на конференции.

Народу пропасть. Много незнакомых. Этого бубыря я где-то видел. А вот и завсегдатаи околонучных тусовок. Высшее наслаждение для них – театрально обронить цитату из самого себя и, по-обезьяньи шевеля бровями и губами, наблюдать за реакцией просвещаемых. Мыльные пузыри самодовольства и бесталанности. А вот и самый матёрый.

– Моё почтение, Аркадий Викторович!

Ладно, это все лирика. Выступаю первым. Где там шпаргалка?

Уважаемые коллеги!...

Вернувшись из серпентария, полчаса вожусь с обзором. Потом подключаюсь к ленте новостей. Так, где у нас хроники болезни социума? Здесь. Под политическими новостями – самое интересное. Освящение здания городской мэрии. Типа, там нечистые заседают. Сошёл с рельс вагон с аммиаком. Экологи уверяют, что нет причин для беспокойства. Губернатор, находящийся в следственном изоляторе, издал распоряжение. Сборище коррупционеров отклонило проект закона о борьбе с коррупцией.

Звонок.

– Максим!

– Чего?

– Не подскажешь, как бы побыстрее пропустить проект нашего положения через редакторов?

– Виза Арбузова нужна, я договорюсь.

– Ты же его недолюбливаешь.

– Долюбливаю.

Ещё как долюбливаю... Есть такая порода людей, не выделяются ничем, кроме неправильных ударений в очевидных случаях. Скажет такой баран слово «хаОс» и посмотрит самодовольно по сторонам. Мол, моему интеллекту даже грамматические условности нипочём.

Смотрю в окно. Снег, первый снег. Манящее зрелище. Из белой пустоты летят снежинки. Исчезают, касаясь чёрной земли, но падают снова и снова, выполняя своё предназначение. Странное чувство, как будто чего-то не хватает. Смотрю на край окна... Вот и первая потеря зимы. Нет больше моего дерева.

.....

Брожу по спящей конторе. В голове стучат неотвязные мысли.

– Контора... Сначала относишься ко всему с юмором, скользишь по поверхности. Год, два, десять. А что дальше? Конторе, этому каменному демону, нужна свежая кровь. Хотя и тухлая тоже сгодится. И вот ты чиновник. Сегодня чиновник, завтра, послезавтра. Покойный чиновник. Стихи, которым тесно в твоей голове, погибнут здесь. Конторе не нужны стихи. Ей не нужны «зимние сумерки». Ей нужно «представляется целесообразным». Шестерёнка не имеет права писать стихи. Это не свойственная ей функция. А ты – только функция, и ничего больше. «Ты не такой, не такой как все. Ты работаешь в офи-се». Пам-парампам.

Сколько ярких, талантливых ребят стали здесь призрачными сутулыми созданиями с выцветшими глазами, суконным языком и морщинами на лбу. И ты станешь таким же. Здесь пахнет склепом. Это могила для тебя, твоих

чувств, стремлений, порывов. Здесь любовь останется горьким осадком. Здесь сама душа становится прахом. Это могила для всего. Уходи, пока не поздно. Если ещё не поздно...

Ведь где-то есть другая жизнь. Вдохновение, радость от творчества. Яхта, замершая на лунной дорожке у тропического острова. Девушка с ликом античной богини, смотрящая на звёзды. Ожидание нового дня. Утренний ветер в солнечных брызгах...

Картонные перегородки, обклеенные древними обоями. Тускло освещённые коридоры. Тишина. Гудение трансформатора за стеной. Вой ветра над далекой крышей, слышимый в глубине спящего здания.

Мне, может, предначертано стремиться

К тому, что уготовано не мне...

Заплёванная урна с огромной шапкой окурков, похожая на пень с опятами. Тёмные пятна на потолке, решётки на окнах. Древняя пыль на подоконниках. Чёрная паутина на потолке. Стоптаные ступеньки. Насквозь прокуренные лестничные площадки. Истёртые взглядами таблички на кабинетах, удушливый запах старых бумаг. Светлое пятно на полу. Кто-то в незапамятные времена пытался отмыть паркет, поскрёбся-поскрёбся и бросил. Свидетельство разумной жизни в доисторическую эпоху. Наверное, здесь была стоянка древних бюрократов. Ну ладно, пора домой.

На улице неземная красота. Снежинки кружатся в свете фонарей. В такую ночь думать можно только белыми стихами.

Как жил я до сих пор

Не зная красоты?

Полночный снегопад...

.....

Помню, как я лежал на дне глубокого каменистого ущелья. Высоко-высоко – тёмно-синее небо. Цвет космоса. Цвет свободы и одиночества. Неожиданно стало невыносимо страшно. Небо бросало мне вызов. Тысячи погибших душ мерцали на дне этой бездны и я был следующим. Захотелось

съёжиться, стать незаметным, найти расщелину и замереть там. Я поворачиваюсь к тёплой шершавой стене и прижимаюсь к ней лицом...

За стеной – успокаивающее журчание воды... Неведомый источник сочится капля за каплей. Пи-пи-пи! Пи-пи-пи!! Пи-пи-пи!!!

Треснув по будильнику, бегу в ванную. Чёртов кран! Забыл закрутить вечером. Так, двигаться в темпе! Электричка – не метро, промедление смерти подобно. На штурм, на штурм! Вперёд, орки, вперед! Белый Город падёт в утро понедельника.

Ценой напряжения всех групп мышц, в том числе неизвестных анатомии, вкрутился в электричку и замер на два часа.

.....

... Утро. Толпа. Электричка. Москва. Уже конец зимы, пахнет талым снегом, оживлённо чирикают воробьи.

– Через два часа автобус вернется на это же место. Едем отдыхать, знакомиться с городом...

– Беляши-чебуреки горячие! Горячие беляши-чебуреки-пирожки!!! БЕЕляши! ЧЕЕбуреки горячие!!!

«Покупайте проездные билеты. Это позволит сэкономить расходы на проезд более чем в три раза, а удобная бесконтактная карта облегчит проход через турникеты».

«Если вы обнаружили забытые вещи в вагоне поезда...»

В обеденном перерыве разнюхиваю новости по всем этажам Конторы. Пахнет чем-то приятным. У плановиков узнал, что Сам берет меня в командировку. Шеф обмолвился, что я у Сама на хорошем счету и должен оправдать высокое доверие. Ну, вот и я стал перспективным. Теперь главное – не упустить шанса. Ни за что не упущу. Близость к руководителю такого ранга важнее всего. Работаю как хронометр, жизнь наполнена движением к цели. Переделал кучу дел, одно важнее другого, и везде проявил повышенную настойчивость и безупречную компетентность.

День пролетел мгновенно. Перед сном в тяжёлой голове крутятся последние мысли.

Понравился Саму, значит. И шеф сегодня поздоровался за руку. И окружающие стали осторожно-почтительными. Какие горизонты открываются – дух захватывает... А этого упыря, который докладную не подготовил, я загрызу. И нужно наконец перепроверить ведомость и пробить проект заявки. Завтра будет большой день. Большой день...

Летучая мышь

Электричка опаздывала. Толпа у края перрона подавалась то вперёд, то назад, силясь увидеть за поворотом два жёлтых огонька. Утренние сумерки, рельсы тонкими лезвиями уходят во мглу.

Выползло неуклюжее туловище электрички. Короткая остановка, быстрая свалка. Поезд наполнился до краёв и покатился.

Октябрь. Понедельник. Разочарованные лица людей. Никто не хотел начинать этот день, но он всё-таки начался. Негромкие всплески разговоров. Монотонный стук колёс, пол подрагивает под ногами.

Очередная остановка. Вдруг среди гудения пассажиров раздался резкий голос маленькой сухопарой женщины в чёрном плаще, стоящей в углу вагона.

– Как я ненавижу этих проклятых бабок с колясками! Вечно их прёт куда-то с самого ранья. Не сидится им дома.

Женщина смотрела в спину какой-то бабки, прокладывающей себе путь по ногам и сумкам.

– Может, в больницу? – глупо сказала её попутчица.

– Ща. С такими-то рожами. Им бы на скотобойне работать в три смены.

Я посмотрел на эту женщину. Мелкие черты лица, морщины на переносице. Кусачий взгляд. Угрюмая складка губ, короткая стрижка ёжиком. Злобное беззащитное существо. Скомканный листок бумаги.

Минут десять спустя знакомый голос раздался опять.

– И окна все задраены. Сдохнуть можно в этой духоте. И народищу столько. Ну, электрички – для нищих. А у нас все нищие.

Попутчица что-то тихо спросила, женщина начала торопливо отвечать. Поезд въехал в тоннель, тусклая лампа замигала и погасла. Из темноты доносились обрывки фраз.

– С полдевятого... Да потому что начальник... По восемь жопо-часов в день... у чёрта на рогах. Ишачишь за жалкие девять тысяч. А эта скотина... И дома... Одно и то же... Знала бы... Вечером мимо свалки...

На мутном стекле появились капли дождя. Нехотя стекают вниз, оставляя за собой дрожащие следы. Блёклый пейзаж медленно проплывает мимо. Гаражи, пустыри, заборы... Асфальт и железо. Дома цвета слежавшейся пыли.

Конечная. Я вышел из вагона и вдохнул полной грудью.

Мир уже был другим. Дождь перестал. Серые облака расступились, открыв большие просветы чистого синего неба. Высоко-высоко таяла белая полоса, оставленная самолётом. Солнце сияло неземным золотом. Свет фонарей померк и стал ненужным. Разгорался новый день, огромный и бесконечный. Единственный для всех нас.

Женщина чуть помедлила, выходя из глубины тёмного тамбура. Отвела глаза от солнечного света и скользнула к провалу подземного перехода. Через мгновение её черный плащ стал неразличим в толпе.

Собака

Ненавижу дождь. Он стирает всё и я не могу понять, где хозяйка. Вот и сейчас холодный поток заливает меня и уходит в землю, пряча её следы. Всё как вчера. И за день до этого, и много раз прежде. Мне кажется, что я всю жизнь ищу этот след.

Однажды я снова почувствовал её аромат, он был слабый и смешанный с чем-то другим, со многими другими запахами, но это был точно он, этот чудесный аромат, его невозможно спутать. Тогда я понёсся по следу, так хорошо было снова бежать к ней, я забыл уже, каково это... Земля словно сама отталкивает, помогая прыгать вперед.

Аромат становился всё сильнее, он был близко, передо мной, я бежал изо всех сил и вдруг увидел её... Чужую женщину, даже не женщину, ведь только моя хозяйка – единственная женщина с нежным голосом и ласковыми руками, а остальные – странные, непохожие существа, которых можно терпеть, но не больше. И аромат был почему-то на этом существе, сильнее всего он доносился из сумки.

Это существо увидело меня, и сразу волшебный аромат ослабел, его мгновенно перебил самый сильный из знакомых мне запахов – запах страха. Существо испугалось меня, а это всегда толкает меня вперед, словно кровь начинает гореть и требовать чего-то, догнать и повалить на землю, и, если только шевельнётся, впиться зубами.

Страх похож на мелкую крысу внутри людей, в запахе которой растворяется их собственный запах. Иногда человек огромный, от его тяжёлых шагов издалека дрожит земля, но мелкая крыса всё равно внутри... Как она пробирается туда?

Почуввав страх этого существа, я понял окончательно, что это не она, не моя хозяйка. Потому что внутри хозяйки не было этой крысы, она никогда не боялась...

Существо вдруг закричало подо мной и голос тоже был совсем другим, неприятным, хозяйка никогда не кричала на меня, ей незачем было кричать, она только говорила со мной, пела или смеялась... В сумке, откуда шёл запах, что-то звякнуло и тогда я вдруг понял, что аромат идёт из такой маленькой штучки, которая стояла в хозяйкиной спальне, а иногда – в той прохладной комнате, где всегда слышался шум воды.

Но это не могла быть вещь моей хозяйки, потому что я охраняю её дом и никто бы не приблизился к нему, даже быстрая муха не пролетела бы мимо меня. Просто такая же вещь с этим запахом, и зачем она только нужна, ведь всё вокруг имеет свой запах, который не скрыть. И ничто не сделает это существо похожим на мою хозяйку.

Я так хорошо помню этот аромат... Вдыхаю его, не могу надышаться. Он похож на аромат цветов, которые появляются, когда тает снег. Не сразу, а только когда согреется земля, и под тёплыми лучами высохнут лужи. Я люблю его, потому что он столько раз появлялся вместе с хозяйкой... Хоть он и обманул меня. На этот раз.

Существо осторожно приподнялось и попятилось, прячась за других людей, но я потерял к нему интерес и ушёл на своё место. Снова ждать у её двери... Когда же она придёт... Дождь перестал и воздух стал прозрачней и холоднее. Приближается то, что люди называют ночью. Это хорошее время. Меньше становится шума вокруг, и все предметы видны отчётливее. Раньше она иногда возвращалась ночью, может, придёт сегодня.

Я ложусь перед дверью и прислушиваюсь. Как только слышу шаги – сразу поднимаю голову. Одни люди ходят звонко и быстро, как она, некоторые шелестят по земле, будто ползут, только на двух ногах... Я издалека услышал бы шаги хозяйки, очень издалека, и поднимаю голову просто от скуки. Это не она. И там – тоже не она. Вдалеке проезжает машина, за ней другая, и там её нет.

Каждую ночь загораются круглые шары над моей головой, они переливаются серыми оттенками, а внутри каждого дрожит тонкая травинка. У да-

лёких домов напротив – такие же огни, они сливаются и уходят туда, где я не был. Мне нравится смотреть, как огни отражаются в лужах, ветер касается воды, огни мигают и тогда кажется, что они живые. Яркие огни вверху и на земле... Будто я не один и шары играют со мной.

Жаль, что всё вокруг бывает только серым, чёрным или белым. Ночь пройдёт, появится над домами круглое солнце и чёрные дома станут серыми. Потом всё серое станет чёрным и так без конца. Но иногда мне снится удивительный мир, который был прежде или ещё будет. В этом мире есть совсем другие цвета и их столько... Солнце в этих снах жёлтое или красное, и многие дома цвета солнца, или голубые, как небо, и каждый камень, и каждая пылинка имеет свой цвет... Странно, что я знаю названия цветов, которые вижу только во сне... И они так быстро забываются, эти сны...

Иногда мимо проходят чужие люди, они осторожно обходят меня, некоторые шипят сквозь зубы. Я хорошо понимаю слова, но шипения понять не могу, это змеиный язык, не человеческий. Или я уже стал забывать слова, ведь я так давно не слышал голос хозяйки. Кто-то пытался даже дотронуться до меня... Я всем мешаю, но никуда не уйду. Моё место здесь. Буду ждать хозяйку, пока она не придёт.

Недалеко начинается лес, и ветер приносит оттуда ароматы трав и опавших ягод, юных цветов и старых деревьев... Ночь началась и теперь можно услышать, как дышит спящий лес. Только ручей в его глубине никогда не спит, вот и сейчас я слышу плеск маленьких волн. Там такая мягкая трава... Но моё место здесь, на асфальте. Появится хозяйка и тогда мы пойдём с ней в чудесный лес. Может, мы даже вместе окажемся в цветном сне... Это она сделала так, чтобы я видел цветные сны и не слишком тосковал без неё.

Над домами появляется ночное солнце. На него можно смотреть и глаза не слезятся. Оно больше, чем дневное, но бывает не каждую ночь. Оно белое, как сахар и, наверное, холодное, как снег. Скоро оно начнёт таять, словно там, в высоте, тепло. Или кто-то съедает это сахарное солнце... Оно будет

уменьшаться, пока не останется тонкий край, а потом будут самые тёмные ночи, в которых даже мне ничего не разглядеть...

В такие ночи я лежу не возле двери, а около своего сокровища. Это всё, что у меня есть. Я боюсь только одного – потерять эту маленькую круглую вещь. Её можно только потерять, потому что отобрать её у меня невозможно. Эта вещь хранит запах хозяйки, он становится слабее с каждым днём, но я ещё чувствую... Или помню, как чувствовал... Никто не отнимет её у меня.

Листья начинают падать. Так уже не раз было с тех пор, как я жду хозяйку. Они устилают землю и все шаги становятся тихими. Я радуюсь падающим листьям, потому что могу не услышать хозяйку и заснуть. Потом я проснусь, а она уже рядом. Так хорошо спится, когда падают листья... Я засыпаю, чтобы проснуться от её прикосновения. Чувствую, что она придёт в листопад. В прошлый раз она не пришла, но ведь листья только начали падать... В этот листопад всё будет по-другому. Не может начаться ещё одна зима без неё.

Не осталось больше листьев. Ветер всё холоднее. Надвигается новая зима, она уже за соседними домами. У зимы острые зубы... Так трудно дожить до весны...

Снова зима... Я не слышу больше дыхания леса. Полная тишина. Спать хочется невыносимо... Если только немножко... Совсем чуть-чуть... Хозяйка ведь не обидится, что я не встречаю её. Она ведь не перешагнёт через меня... Я проснусь от того, что она рядом... Вот уже незаметно начался мой любимый цветной сон и сегодня он ещё ярче, чем всегда. Тогда, на исходе лета, она сказала мне, что придёт...

... – Вот вы говорите, что против эвтаназии. Неприемлемо с этических и религиозных позиций, нарушение свободы воли и прочее. Был бы моложе – согласился бы с вами, коллега. По-моему, Чехов где-то написал, что все врачи – идеалисты. Правда в этом есть – много боли и грязи в нашей работе... И нельзя работать на пределе, если видишь только то, что есть, а не какой-то дальний горизонт над всем этим... Но, знаете, идеализм как-то отступает со

временем, с опытом... И начинаешь понимать, что есть высокие слова, но они — над жизнью, не имеют к ней прямого отношения. Нет принципов, которые можно в юности провозгласить и сохранить навсегда. Жизнь поправит.

— Есть такие принципы! — горячо и быстро возразил второй врач. — И нет безвыходных ситуаций. Всё может быть, но врач не может убить пациента, никогда! Даже если объективно посмотреть — ведь человеческий организм совершенен сам по себе, обладает колоссальными резервами для восстановления, да ещё медицина развивается такими темпами, что...

— Вы уж простите меня, — перебил старый профессор. — Вот в совершенстве человеческого механизма и может скрываться нечто смертельно опасное. Потому что совершенство это — механизм запредельной сложности, созданный не нами. И нами ещё не понятый. И любая деталь внешнего мира — любая деталь! — может вызвать нечто необъяснимое.

Возьмём этого пациента, о котором мы говорили в начале. К нам он попал после нескольких лет, проведённых на пустыре у заброшенного дома. Ни малейших проблесков человеческой личности у него уже не было, и состояние ещё более ухудшалось. Если в начале он понимал какие-то слова, то потом... Он был уже кем-то другим и все средства, накопленные нашей наукой, не могли вернуть его в мир людей. Его единственной ценностью была какая-то старая пуговица, которую он яростно защищал. Защищал зубами — в буквальном смысле. Целыми днями он лежал у двери, прислушиваясь и принюхиваясь ко всему, иногда вскакивая. Он не спал месяцами, но никогда не был в оцепенении. Он словно всё время ждал чего-то. Однажды он без всяких причин напал на незнакомую медсестру. Она проходила по коридору и он словно почуял что-то, выломал двери и бросился к ней огромными скачками... В его сознании не было ничего человеческого и вы сами поняли бы это, хоть раз заглянув ему в глаза. И если бы видели, каким он становился в дождь... Или при полной луне... И поэтому наш консилиум принял верное решение... В конце концов избавление от страданий — лучшая помощь.

Второй врач помолчал и спросил:

– Что же могло сделать его таким?

– Кто знает... Что-то сломало его в прошлом. Сломало изнутри, какое-то переживание, несчастье... Почему-то вспомнилось, как в давние времена много писали об одной грузинской блаженной... Возлюбленный погиб у неё на глазах и она поклялась не сходить с этого места до своей смерти. И не сходила – пятьдесят лет, по-моему... Чем-то он похож на неё... Но она осталась человеком, а он... Если только представить, что вся воля и память человека, все его мечты и мысли направлены в одну точку... Только в одну...

Любое явление имеет обратную сторону... И, быть может, любовь одновременно является и неизбежным счастьем, и тем молотом, который может разрушить личность. Безвозвратно. Может, когда-то к нему просто не пришла любимая. Кто знает...

...Молодой врач стоял у большого окна приёмного покоя. Закат догорал, оставляя оранжевые полосы. Словно ангелы улетали прочь по своим небесным дорогам...

Притча о кочевнице и земледельце

В незапамятные времена жил один земледelec. Он не был простым земледельцем, работающим лишь ради пропитания. Он посадил и возделал огромный сад, где были удивительные деревья со всего мира. Он огородил сад высокой стеной, неприступной для врагов. Он выкопал колодец, вода из которого делала его неутомимым.

Десятилетия упорного труда ушли у него на строительство башни, с которой было видно полмира. Башня росла и росла, пока не вознеслась выше облаков, и продолжала подниматься. Она была волшебной: начинала разрушаться сразу, как только земледelec прекращал её строить и украшать. Зем-

леделец так много труда вложил в эту башню, что тогда ему казалось, что он сам начинает разрушаться вместе с ней.

Со временем земледелец понял, что его предназначение в строительстве башни. Возможно, – думал он, – башня – это всё, что останется, когда моя кровь высохнет, а кости превратятся в пыль.

Внутри башни было прохладно в любой зной и безопасно в дни любых испытаний. Башня была также сокровищницей, в ней хранились тысячи тысяч книг, каждую из которых земледелец знал, как свои ладони.

Летними ночами земледелец поднимался на вершину башни и любовался спокойным светом луны, прекраснее которого для него не было ничего.

Многие люди стремились к башне и ни один из тех, кто пришёл с добрым чувством, не остался без дара из сокровищницы, снова и снова пополнявшейся, когда земледелец отдавал что-то другим. Некоторые хотели остаться жить рядом с башней, но земледелец не позволял, потому что все они были чужими.

Так проходили годы.

Однажды на закате у ворот появилась всадница. Она появилась внезапно и в миг, когда земледелец увидел её... Он забыл, как выглядит луна и для чего нужна башня. Он забыл всё, что знал ещё утром, всё его существо затрепетало, как раненая птица. Все мысли исчезли, уступив одному желанию – чтобы она осталась.

Кочевница небрежно скользила взглядом по бесконечным лабиринтам книг, и земледелец возрадовался, подумав, что они ей знакомы. Но потом он понял, что ей привычнее читать следы животных и знаки, оставляемые ветром на песке...

Земледелец просил её остаться, но она сказала ему так:

– Я не хочу стать рабыней твоей башни. И не хочу жить в придуманном мире – красивом, но не моём. Какая радость в том, чтобы представлять, но не ощущать? Знать, но не чувствовать?

Какая из твоих книг расскажет о настоящем? Хотя бы о сегодняшнем рассвете, непохожем на вчерашний? Каждая из них вполовину короче любой минуты моего дня, сколько бы страниц в ней ни было. Какая из них тепла или горяча? Какая из них умеет летать? Какая из них ответит тебе живым голосом? В какую из них можно смотреться, как в водную гладь?

Я сильна не потому, что пью из чудесного источника. Я не устану, пока не разгадаю все загадки в мире и не увижу всё, а этому не бывать. Я не знаю усталости, я свободна и бессмертна. А ты... Ты думаешь о том, что останется после тебя, а я просто не собираюсь умирать.

И всадница унеслась быстрее, чем земледелец успел промолвить хоть слово. Он почувствовал такую боль, словно в грудь вонзилась раскалённая стрела.

Долго стоял земледелец и смотрел, как она исчезает в пламени заката. Огромный мир лежал перед ним, но лишь в одну сторону можно было идти. В последний раз он оглянулся назад и увидел, что башня исчезла.

Сказка про принцессу, рыцаря и премудрого лося

В некотором царстве, в некотором государстве жила прекрасная принцесса.

Молва о её необычайной красоте долетела до самых далеких земель, и многие рыцари устремлялись в путь, чтобы предложить ей руку и сердце.

Она приветливо встречала каждого из них, кратко беседовала и отправляла восвояси. Опечаленные рыцари уезжали домой один за другим. Никто не мог понять, почему так происходит. Почему смелые, богатые, знаменитые рыцари получают отказ.

Отгадка же была проста.

Однажды, когда принцесса была ещё маленькой прелестной девочкой, она проходила мимо старой-старой нотариальной конторы, от возраста напо-

ловину ушедшей в землю, с покосившейся крышей и разбитыми окнами. В этой конторе уже триста лет гнездились только летучие мыши, которые питались древними завещаниями и пили забродившие чернила из чернильниц.

И вот, маленькая принцесса проходила мимо нотариальной конторы, задумавшись и мечтая о пони, как мечтают все девочки. Впрочем, пони у неё был и она, как принцесса, мечтала уже о табуне пони. Сумерки спускались на волшебную страну и появлялись первые звёзды. Они мерцали, словно обещая, что любое желание сбудется.

В этот момент из разбитого окна нотариальной конторы неожиданно вылетела летучая мышь, упившаяся чернил, укусила принцессу за палец и пропала.

И с этой самой секунды принцесса всем сердцем и больше всего на свете полюбила... юриспруденцию.

Её готический двадцатидвухэтажный замок всё время пополнялся юридическими фолиантами, законами, комментариями и комментариями к комментариям. С утра и до ночи принцесса читала их в окружении статуй Фемиды, не интересуясь играми, подружками и песнями трубадуров. Седобородые арбитражные судьи, высохшие как веники, были её любимыми собеседниками.

Говорить же подолгу с женихами ей не приходилось.

– О принцесса! – говорил какой-нибудь рыцарь. – Посмотрите, как восходит луна!

– Луна неинтересна, – отвечала принцесса. – Обычный объект космического права, крайне неразвитого. Поговорим лучше о процедуре отчуждения земельных участков в собственность государства. Я перейду на латынь, не возражаете?

После подобных слов рыцари тушевались и, опустив забрала, отправлялись домой. Так уходили все рыцари и казалось, что принцессе суждено провести жизнь в одиночестве.

Но однажды нашёлся всё-таки рыцарь, который решил добиться любви принцессы во что бы то ни стало. Он, как и все, срезался на первом же вопросе по земельному праву и, более того, назвал юриспруденцию «второй древнейшей профессией». Осерчала принцесса и запустила в рыцаря сумкой, подаренной ей греческими законооведами. Отскочила сумка от головы рыцаря, а на земле осталась эмблемка бронзового цвета.

Но не отчаялся рыцарь. Перед тем как уйти, он подобрал эмблемку и бросил долгий взгляд на принцессу, на её нежные черты, божественные чёрные волосы, точёную фигурку, бесконечно волнующую воображение. Он всмотрелся в её карие глаза, сияющие холодным светом, и понял, что на принцессе лежит проклятие.

В ту же секунду рыцарь поклялся, что освободит принцессу, даже если на это уйдет вся жизнь. Рыцарь понял, что отныне жизнь без принцессы подобна жизни высохшего дерева, стоящего годы и годы, но не способного дать ни одного зелёного побега.

Вернувшись в свои земли, рыцарь созвал всех волшебников, чародеев, шаманов, гадалок, экстрасенсов и знатоков «Властелина колец». Все мучительно думали, но никто не знал, как снять проклятие с принцессы.

Как-то вечером, в задумчивости скача по дремучему лесу, рыцарь заметил молодого лося, который попал в охотничью яму и не мог выбраться. Рыцарю стало жалко лося, он наклонился к яме, схватил лося за острые рога, напряг все силы и вытащил его из ямы. Рыцарь повернулся уже к своему коню, как услышал чей-то голос. Он резко обернулся, и выронил меч от изумления. Говорил лось.

— Спасибо тебе, человек, — сказал лось. — Я тоже помогу тебе, я ведь не простой лось, а премудрый. Снять проклятие с принцессы можно только одним способом. Ей нужно дать глоток волшебного зелья. Для того, чтобы приготовить зелье, нужно бросить в кипящую воду книгу, написанную самым знаменитым правовым нигилистом, которым, как известно последней белке, является Лев Толстой. Потом снять накипь, процедить, добавить специи по

вкусу. Как только принцесса пригубит напиток, она полюбит того, кто её освободил, больше юриспруденции.

– И только-то? – воскликнул рыцарь. Он выхватил из-за пазухи четырёхтомник Толстого, который всегда носил с собой, вскочил на коня и, размахивая книгами, помчался к ближайшей деревне.

Ворвавшись в крайнюю избушку, он увидел хозяйку и крикнул ей:

– Скорее ставь воду на огонь, женщина!

– С коня бы хоть слезли, ваша светлость, – ответила женщина. – Только что полы вымыла.

– Ставь воду на огонь, и я наполню твой котёл золотом! – воскликнул рыцарь.

– Ставлю, ставлю, – проворчала женщина. – Беда с этим феодализмом. Врываються на ночь глядя, полы затаптывают копытами.

Женщина разожгла огонь и поставила кипятить воду.

– Не всё так просто, – раздался голос за окном.

– Батюшки, говорящий лось! – воскликнула женщина и упала в обморок.

– Я не договорил, – сказал запыхавшийся лось. – Дай отдышаться. Быстрый у тебя конь, романтический рыцарь.

– Есть ещё одно условие, – продолжил лось, входя в дом. – Приготовить волшебное зелье может лишь прямой потомок Льва Николаевича.

– Где же мне найти его? – спросил помрачневший рыцарь.

– Согласно предпоследнему номеру «Лесных ведомостей», он живёт далеко-далеко, в Гарлеме заморском, напротив Макдональдса. Ну, того, где огромный пончик на крыше. Снаряжай корабль, рыцарь. А коня твоего придётся дома оставить, в Америке сильно движение за права животных, а ты его загонял совсем. Поезжай, а я тебе ещё пригожусь.

Быстро сказка сказывается, да нескоро дело делается.

Приплыл рыцарь в Гарлем заморский, истоптал пару железных башмаков между домами невиданными, небо подпирающими, населенными людью.

ми, чёрными как сажа, и нашел наконец Макдональдс с пончиком на крыше. Напротив же стояла избушка на курьих ножках.

– Избушка, избушка, стань к Манхэттену задом, ко мне передом! – крикнул рыцарь.

Избушка развернулась, и из окна высунулся старый-старый дед с бородой до земли.

– Здравствуй, дедушка! – вежливо сказал рыцарь. – Выполни одну мою просьбу и я щедро награжу тебя.

– И тебе хэллоу, рыцарь Эндрю, – ответил ясновидящий дедушка. – Знаю-знаю, зачем пожаловал. Но награды твои мне не нужны. Злато соблазн есть великий, равно как и тачки, шмотки, чиксы и прочие дивайсы. Так ещё мой дед Лёва говорил, слышал про него, наверное. Условимся так: я загадаю тебе три загадки. Ответишь правильно – помогу тебе. Не ответишь – пеняй на себя.

– Будь по-твоему, – ответил рыцарь.

– Вот тебе первый вопрос. Какое животное утром ходит на четырёх ногах, днём – на двух, а вечером – на трёх?

– Я, конечно, в земельном праве не разбираюсь, – ответил рыцарь. – Но каждую неделю прочитываю столько книг, сколько в карету не уместится. Знаю я ответ на твой вопрос. Даже и не твой. Это знаменитая загадка Сфинкса, ответ на которую – «человек». Ребёнок, взрослый и старик с клюкой. Это даже в «Доме-2» знают.

Дед переглянулся с избушкой и довольно хрюкнул в бороду.

– Верно, добрый молодец. Тогда вот тебе вопрос, ответа на который в книгах не найдешь. Что острее бритвы, чернее ночи, страшнее смерти?

Рыцарь задумался и посмотрел в сторону безбрежного океана. «Лучше бы не знать ответа на этот вопрос», – подумал он. «Но я знаю».

– Одиночество, – ответил рыцарь.

Дед скрылся в глубине избушки, потом появился на пороге, распахнул дверь и сказал:

– Думаю, ты знаешь ответ и на третий вопрос. Ответишь, и можешь войти. Что больше неба, прекраснее заката и легче пушинки? Что нужнее воздуха, горячее молнии и крепче алмаза?

– Любовь, – сразу ответил рыцарь.

– Входи, – сказал дед. – Сейчас приготовлю волшебное зелье. Давай сюда книгу, а то у меня нет произведений Толстого. Шутка. Возьми любую с полки.

Сварил дед «Анну Каренину», наполнил рыцарь волшебным зельем пузырек, распрощался с дедом и отправился в обратный путь.

Долго ли коротко ли, возвратился рыцарь к замку принцессы. И что же он увидел?

Со всех сторон замок окружили войска басурманские во главе с Идолищем Поганым, сидящим верхом на драконе о двенадцати головах. Кипит жаркая сеча, не видно солнца за тучами стрел и камнями из огромной катапульты, и вот-вот уже рухнут стены замка.

Понял тут рыцарь, что пришел его последний час. Прикоснулся он к эмблемке от сумки, которую носил как амулет в долгих странствиях, выхватил меч и устремился на войско вражеское.

– Стой, рыцарь! – закричал вдруг кто-то сзади.

Обернулся рыцарь, и увидел говорящего лося. Лось подскочил, забросил рыцаря себе на спину и помчался вперед, в самую гущу сражения. Подобно бешеному мамонту начал лось топтать войско вражеское, сломал катапульту и укусил насмерть Идолище Поганое. Рыцарь рубил направо и налево так, что из меча искры летели, а головы врагов сыпались как горох. И победили они войско вражеское.

Цокая копытами, взлетели лось с рыцарем на двадцать второй этаж и предстали перед принцессой. Она была хороша, как в первый день, когда рыцарь её увидел. Он не мог и слова сказать от волнения.

– Чем обязана? – спросила принцесса, оторвавшись от трудового кодекса и устремив на рыцаря холодный взгляд.

– Так... Вашество, мы же врагов победили! Награду бы нам! – ответил лось.

– Любопытно, – сказал принцесса. – Говорящее движимое имущество. Но это не превращает его в субъект права.

– Я бы с Вами не согласился, профессор, – ответил умница-лось. – Да, по гражданскому законодательству я просто вещь. Но ведь речь свидетельствует о мышлении. Следовательно, если бы я совершил преступление (чего я не сделаю, ибо люблю законы больше свежей брусники), возник бы вопрос о субъективной стороне состава преступления. Налицо некоторая коллизия между позициями законодателя, требующая дополнительного исследования.

– Неплохо, – сказала принцесса. – Какую награду вы хотите? Ты и твой бессловесный наездник? Я дам вам её, а потом пойдем на «круглый стол», будем работать по секциям.

– Принцесса, – молвил рыцарь. – Я бы хотел служить Вам до конца своих дней. И начать службу прямо сейчас, поднеся Вам бокал вина.

– Идите в людскую, там заполните бланк трудового контракта и приходите с бокалом.

Рыцарь стремглав бросился в людскую, распугав всех кухарок, мгновенно заполнил 30-страничный контракт, налил бокал вина и капнул в него из пузырька с волшебным зельем. Вошел в покои к принцессе, беседовавшей с лосём по-латыни, и с поклоном подал ей бокал.

Принцесса отпила из бокала и в тот же миг проклятие исчезло. Рыцарь обнял принцессу, они стали целоваться и никак не могли остановиться. Скоро они сыграли свадьбу (лось был свидетелем со стороны жениха) и стали жить душа в душу.

Тут и сказке конец, а кто слушал – хорошая девочка.

Сказка о том, как один прапорщик двух генералов спас

Жил да был один генерал. И всё-то он умел делать, просто на удивление. Подпись имел красивую, с завитушками и узорами византийскими, и неспешно рисовал её на бумагах служебных, там, где цветные флажки подклеены. И щёки умел надувать, и бровями шевелить. И голос имел громкий, и тело толстое, и фамилию внушительную – Пузопятов-Сдобный.

Сидел генерал в своем кабинете, похожем на ложу театральную, только побольше, и бровями шевелил. Так бы он и продолжал приносить пользу Отечеству, кабы не случилось с ним удивительное происшествие.

Задремал как-то генерал в своём кресле после второго завтрака, а как проснулся, увидел он перед собой бумагу необычайную. На первый взгляд – бумага как бумага, форматом в пол-аршина, трудолюбивыми финнами изготовленная. Вот только... Не было на ней цветного флажка, рядом с которым нужно подпись поставить!

Нахмурился генерал, но флажок не появился. Надул он щёки, и опять не появился флажок. Посмотрел генерал под стол, не ползёт ли кто из челяди, чтобы флажок подклеить незаметно. Нет никого, лишь ковёр персидский колосится.

Попытался генерал прочитать бумагу, зашевелил губами, но кроме слова «Уважаемый» ничего не разобрал. Разучился от непривычки.

Рассердился тут генерал на буквы непонятные, ногами затопал, по столу застучал руками белыми и пухлыми. Не помогло, как лежала заколдованная бумага, так и лежит.

Запахнул генерал полы халата, поправил саблю, посмотрел в зеркало, ровно ли висят на груди широкой ордена и грамоты почётные в рамочках. И двинулся в приёмную, как туча грозовая неотвратимая. Долго ли, коротко, дошел он до приёмной, а там – ни души.

Вышел генерал в коридор и видит: люди куда-то спешат с бумагами наперевес. Подумал генерал, что война началась, выхватил саблю и вперёд

побежал. А как за угол завернул, оказался в тупике, где прямо посреди стены красная лампочка горит. Подумал генерал, что это бомба, присел и глаза зажмурил.

А стена вдруг сама собой раскрылась и из лифта вышел какой-то человек с саблей и в тапочках. Генерал как закричит на него: «Я сам Пузопьятов! А ты кто такой? Паачему без доклада?!» И не успел докричать, как слышит в ответ: «Я генерал Тугомозгов-Завизированный! Пачему в халате на службе?!» Посмотрели тут генералы друг на друга, перестали топать, заулыбались приветливо и начали беседу беседовать.

– Ваше превосходительство, – говорит один, – как же Вы в такой okazji оказались?

– Да разбежалась куда-то челядь приёмная, я вышел из опочивальни и заблудился. А с Вами что приключилось, Ваше превосходительство?

– Да тоже вышел из опочивальни, а ключ от неё обронил, и он в щель под дверью обратно проскочил. Комедия, словом!

– Ну, давайте же как-то выбираться. Есть хочется ужасно.

– Да, со второго завтрака крошки во рту не было.

Взяли тут генералы друг друга под руки белые и пошли куда глаза глядят.

Долго шли они коридорами дремучими, карабкались вниз по крутым лестницам, нащупывали путь по скользким ковровым дорожкам, расспрашивали безуспешно редких калик переходящих. Прошли они вёрст пятнадцать, присматриваясь и принимаясь, но из съестного нашли только жвачку, к паркету прилипшую, да щепотку табаку трубочного с ароматом вишни.

И вышли в конце концов генералы вновь к тому месту, где стена раздвигается. А уже вечер незаметно спустился, зажглись фонари коридорные. Ни души вокруг, и есть хочется прямо нестерпимо.

Вдруг слышат генералы: «Рыба! Рыба!!!» Побежали голодные генералы на клич, ввалились в какую-то комнату и увидели картину возмутительную. Лежит на трех табуретках, прикрывшись газетой «Ведомости», некий

прапорщик, мужик мужиком. И сам с собою в домино играет. Козла забивает, негодяй! И курит ещё сверху.

Вцепились в прапорщика генералы и ну его мутузить. Кричат: «Ты здесь лежишь, хам остолопский, чувырла бессмысленная, а мы с голоду пропадаем!!!» Видит прапорщик, что генералы сурьезные, вытянулся в струнку, а сам думает, как бы от такой напасти избавиться.

Перво-наперво предложил он генералам чаю напиться. Вмиг сожрали генералы пачку чая вместе с фольгой, а чайником в мужика запустили.

Почесался он и повёл генералов сначала в начальнический вип-ресторан, а потом и в столовую для смердов. Глядь, а они уже закрыты крепко-накрепко, лишь запахи прельстительные помойные в воздухе витают. Делать нечего, решил прапорщик генералов домой доставить. Стал он их выспрашивать, где изволят жить-поживать. Генералы вспоминали-вспоминали, и вот что ответили:

– Живём, – говорят, – там, как если бы, к примеру, поехать по проспекту широкому, да мимо мужика на железном коне, а потом направо, по улице, которая раньше в честь писателя называлась. Ну, который рассказ «Му-му» написал – про лошадь, о которой ему няня рассказывала.

– Это, стало быть, улица Горького, нынешняя Тверская? – спрашивает начитатанный прапорщик.

– Во! – отвечают генералы. – Там ещё красная буква «Мэ» недалеко светится.

– Хорошо бы ещё номер дома узнать, ваши превосходительства, – говорит прапорщик.

– А может, тебе сообщить ещё и номер счёта заграничного, где деньги лежат, службой Отечеству заработанные? – рассердились генералы. – Вези как есть, там нас любой узнает!

Почесал прапорщик в затылке и решил вызвать машину самоходную. Пошарил он в карманах, но нашёл лишь скрепку и таракана полудохлого. Делать нечего, нужно своим умом обходиться. Снял мужик со своей каморки

дверь, обтесал её на манер каноэ, прибил к ней два стула замшевых, привязал к ручке канат железный. Посадил в эти сани самодельные генералов, впрягся и потащил их на воздух городской, до туманности загазованный. У ворот прислужники еще мигалку на сани приделали, чтобы какой-нибудь гаишник не вздумал остановить транспортное средство нестандартное.

Три часа колесил прапорщик по Тверской с окрестностями, весь очумел и взлохматился. А генералы знай покрикивают, чтобы он строевой шаг не терял.

Наконец остановился мужик у одного дома невысокого, этажей на триста. Смотрит, а там у парадного, рядом с фонтанами незамерзающими, скульптурная группа установлена: знакомые лики генеральские на львиных туловищах с крыльями. И под каждым крылом по портфелю. Тот дом оказался! И вовремя: генералы от голода и лишений уже доходить начали. Свистнул тут прапорщик молодецким посвистом, и к нему со всех сторон лакеи бросились с дворецкими, мамками-няньками и секьюритями широкоспинными. Отпихнули они прапорщика в сторону, поломав сани, подняли генералов и унесли их в покои белокаменные откармливать-отпаивать.

Постоял минутку мужик, подивился на житье капиталистическое, пока его взашей не погнали. Вышел он за ворота, перекусил тем, что в карманах нашёл, да и отправился восвояси.

А как вернулся к себе в каморку, к табурету осиротевшему, то увидел, что на стене уже благодарность висит в рамочке. За спасение жизней генеральских и вообще настойчивость в решении служебных задач.

А пониже благодарности висит в рамочке взыскание за утерю стульев казённых, порчу имущества в количестве одной штуки дверей, оставление поста в опасности и несоблюдение субординации при сопровождении особ генеральского звания. А ещё пониже висит приказ по личному составу об отобрании у прапорщика всех ранее полученных благодарностей и присвоении ему, в порядке продвижения по службе, звания младшего прапорщика.

Посопел прапорщик в раздумьях, да делать нечего. Свернулся он калачиком на табурете уцелевшем и захрапел. И снилось ему, что сидит он в кафе на Монмартре и трескает устрицы а ля фуфлонье, запивая их пивом «Бочкарёв». Подумал во сне прапорщик: «Жё ву при, мадемуазель, изволите ли понимать! Шармант!» Вспомнил он тут, что таких слов говорить и во сне не может, перевернулся на другой бок и заснул беспокойным сном, чутко поводя ушами, чтобы старший по наряду, змей бескрылый, незаметно не подкрался.

Сказка о шёлковых кисточках

Жил-был один сотрудник. Это подлежащее, по правилам русского языка, собранным и описанным венгерским евреем Дитмаром Ильяшевичем свет Розенталем, требует уточнения: сотрудник чего? А вот этого я как раз и не могу сказать, дорогие детишки. Сотрудник и сотрудник.

Работал он в большом здании, загороженном шлагбаумами и прочими премудростями, препятствующими проходу внутрь всех желающих. Люди, бывалоча, думали, что в здании этом какие-то дела чудные творятся, раз туда попасть так просто нельзя. Ан нет! Дела там делались обыкновенные, конторские, и население ничем не отличалось от людей снаружи. Всякие там люди водились, от купцов до скоморохов, от правдорубов до правдотоптателей. Как и везде. А шлагбаумы-то больше для того заведены были, чтобы народ конторский наружу не вылазил раньше окончания времени рабочего.

Упомянутый же сотрудник тоже был человек как человек. Единственное, что характер имел горделивый, ибо владел редким ремеслом аналитическим (А и чудные же эти аналитики! Канта с Гегелем читали и даже поправляли иногда, а додуматься до наколенников пластмассовых, чтобы веломашину заморскую сподручнее осваивать, не могли). А еще любил тот сотрудник, свесившись из-под крыши, смотреть на закат, представляя лицо девушки

ненаглядной, да стихи в прозе записывать на бумагах секретных. Но сказка-то не об этом совсем!

А о том, что однажды девушка любимая указала сотруднику, что есть некий изъян в его внешности богатырской. А какой – не сказала, лишь рукой махнула, да улыбнулась так загадочно, что у сотрудника ноги подкосились.

Не стал сотрудник дожидаться, когда глаза девушки вспыхнут знакомым ему карим пламенем, от которого и алмазы в пепел превращались, не говоря о более мягких субстанциях. Отстоял он очередь к новинке в граде Мытищинском – первому общественному зеркалу, поставленному в парке местному крестьянству на удивление. Осмотрел себя внимательно и нашел, что ладен весьма, белозуб, строен и вообще пригож, откуда ни посмотри (за исключением небогатой уже растительности на макушке, в силу преклонных лет и стрессов непрерывных. А вы думали, от хорошей жизни люди часами на закат смотрят, из-под крыши свесившись?).

И вдруг вспомнил сотрудник об одной своей особенности, незаметной сослуживцам, в полумраке ползающим, и даже на диспансеризации не отмечаемой дерматологами-костоправами злодейскими.

Особенность же эта была такова: у него уши пухом поросли! Бесцветным и чуть видным пушком, но замеченным, видно, девушкой любимой, обладающей таким зрением, что и сокол поднебесный кротом бы показался. И припомнилось еще сотруднику, что девушка ему как-то триммер подарила (а не делают ведь просто так подобные подарки – это он быстро сообразил умом аналитическим, триммер года в шкафу не пролежал).

И стал сотрудник каждое утро этот пух на ушах обрывать (триммер он так и не освоил). Процедура эта малоприятная нехорошо сказалась на характере сотрудника, и так горделивом до заносчивости. Бывало, оборвет он себе этот пух, взрыкнет на все Мытищи, да и бежит огромными прыжками на работу, где ужас наводит, как лев на свиноферму.

Хуже того: оказалось, что пушок упомянутый, будучи один раз вырванным, начинает переть все сильнее и цвет меняет и..., в общем, гривой становится, действительно, как у льва Немейского.

Скоро сказка сказывается, да быстрее ещё дело делается. Погубил однажды этот пух сотрудника. Проспал он как-то и забыл пух оборвать. И надо же такому случиться, что именно в этот день повезло ему любимую увидеть. Склонил он к ней голову (скоротечнее ведь встреча долгожданная, чем ночь майская!) и порезал своими недоделанными ушами высокий воротник её платья, в просвещённых землях лапсердаком называемого.

Как увидел он, что натворил, бежал прочь в беспамятстве куда глаза глядят (девушка ведь и в менее серьёзных случаях превращалась в Этну бушующую, затопляющую поля душевные лавой нестерпимой). Бежал он, бежал, думая укрыться в конторе хоть на время, да споткнулся о шлагбаум перед входом и упал четвереньками на землю сырую. А в земле была яма сделана, и туда цемент свежий налит, для каких-то нужд строительных. И завяз сотрудник в этом цементе накрепко.

Как на грех, этот день пятницей оказался и пробыл завязший сотрудник в цементе до понедельника, погружаясь в него постепенно, но жалея только о том, что не может он до телефона дотянуться, чтобы ответить на звонки девушки рассерженной. Скрылась к вечеру воскресенья его голова в цементе, а пух на той голове рос до последнего, образуя гриву красивую.

В понедельник же пришла бригада гастарбайтеров, вырубил сотрудника из цемента и установила в качестве каменного льва перед входом в контору. Памятник этот и сейчас там стоит.

Сослуживцы бывшие, поспешая мимо памятника, задерживаются иногда, примечая что-то знакомое в облике львином, лбе высоком и бровях косматых. Да некогда им медлить особенно, ведь срочных поручений инстанций не стало меньше с исчезновением светила аналитического.

А иногда, на исходе спокойного дня, закатный луч касается хвоста памятника (у сотрудника и хвост ведь ещё был). Коснется и растворится в сумерках городских.

Вот и сказке конец. А кто слушал – тот любимая Катенька.

Как рассказали бы сказку «Три поросёнка»...

Рэй Бредбери:

Далеко за окоёмом, на берегу высохшего марсианского моря, где гудел суровый ветер и сталкивались в вековой борьбе песчаные волны, жили три поросёнка. Пищей им служил свет лучезарной звезды, все ночи стоявшей над горизонтом, одеждой – воспоминания о минувшем. Подобно древним статуям стояли они под сенью глубокого ущелья и слушали, как медленно-медленно струится кровь по их жилам.

Едва заметно шевелились их хвостики от подступающих зимних холодов, но мечта о путешествии к третьей от Солнца планете согревала их сердца и тушки. Мечта подчинила себе их волю и чувства, напоминая о том, что они рождены для стремленья, неустанного стремленья вперед, в глубины времени и пространства, сквозь чёрные провалы непознанного, вопреки любой предопределённости, к недостижимым солнечным вершинам счастья и гармонии.

Венедикт Ерофеев:

«Э, на уазике, харэ тупить-то!» – сказал Ниф-Ниф, старший поросёнок, и немедленно выпил.

«Слезьте с ручника, окороки недоделанные! Зима, б...дь, на дворе, а двое, б...дь, сосунка первого года службы даже, б...дь, не чешутся». Ниф-Ниф выпил еще раз и осмотрелся в поисках свиноматки.

Нуф-Нуф и Наф-Наф, услышав знакомые слова, подняли рыла от импортных желудей в пакетиках.

Дж. Р.Р. Толкиен:

С тех пор поросята жили в уютных норках с круглыми окошками. С раннего утра они кубарем вылетали веселиться и бездельничать. Дни напролет можно было лакомиться свежей черникой, вприпрыжку бегать за повозкой молочника Визгинса, играть в прятки за оградой старого Хряк-Хрюка.

Но вот настали тёмные времена. Что-то злое и неотвратимое надвигалось с Востока на поросячьи норки. Враг, древний могучий Враг не спал.

Стивен Кинг:

Волка когда-то звали Няф-Няф. Он был четвёртым поросёнком, проводившим свою молодость у очистных сооружений атомной станции. Ему приходилось сражаться с ордами самых страшных существ, порождённых ядовитой пастью ядерного вулкана: бобрами-носферату, саблезубыми зебрами, фосфорецирующими совами, скотозомби, туристами-экстремалами.

Постепенно его мышцы обрели стальную крепость, пяточок вытянулся в хищную морду с тремя рядами загнутых внутрь зубов, тело покрылось жёсткой шерстью чёрно-синего цвета.

В полночь Волк выползал за ограду кладбища для домашних животных, где прятался от дневного света, и начинал свою охоту.

В. Пелевин:

Волк стоял перед дверью. Эта дверь была точной копией двери дзэнского храма в Лхасе. Монахи называли ее «дверь сущности, открытой для созерцания». Как гласит предание, сам настоятель Ху И, достигший пятой степени просветления из четырёх возможных, боялся медитировать перед этой дверью. Бывали случаи, когда практикующие, познав путём созерцания трещин на косяке бренность всего сущего, не могли остановиться на этом. С годами они познавали и бренность мыслей о бренности всего сущего, и бренность мыслей о бренности мыслей о бренности всего сущего...

В общем, Волк стоял перед дверью. Внезапно дверь распахнулась. Появившийся в дверном проёме Нуф-Нуф был точной копией серебряной статуи Просветлённого Поросянка в Мьянме. Монахи называли ее «вечно неспящей статуей с открытыми для истины ушами». По легенде, сам настоятель Ху Я боялся оставаться один на один с этой статуей...

Ф.М. Достоевский:

Тревога за братьев сжимала грудь Ниф-Нифа. Вдруг он заметил в углу гостиной топор с выщербленным лезвием, оставленный кем-то из строителей. Поросёнок неловко взял его мгновенно вспотевшим копытцем и замер, прислушиваясь к тяжёлому дыханию Волка за порогом. Скрипнула половица и Ниф-Ниф представил, что сейчас он распахнёт дверь и прервётся это дыхание, и останутся позади бессонные ночи, пропитанные страхом, скомканные простыни после кошмаров, в которых хищник, ломая запоры, врывается в дом, чтобы сожрать его обитателя.

«Тварь я дрожащая или право имею?» – эта обжигающая мысль толкнула поросёнка вперед. Он размахнулся топором так, что почувствовал его тяжесть за спиной, и бросился на Волка, забыв открыть дверь. Лезвие топора опустилось на дубовые доски и отскочило, ударив Ниф-Нифа по голове. Поросёнок осел на пол, медленно пропитываясь не волчьей, но своей кровью.

Л.Н. Толстой:

Все поросята счастливы одинаково и несчастливы по-своему. В решающий момент своего несчастья Ниф-Ниф сидел на полу и впервые в жизни думал по-настоящему. Все вещи, которые раньше казались ему главными и единственно стоящими внимания, оказались ненужными. Кукурузные початки и сладкие помои, прокисшая сметана и вареники с мухами, лежалый овёс и позавчерашний борщ – всё утратило привлекательность.

Ниф-Ниф думал о себе как частице поросячьего рода, возникшего неизвестно зачем и грозящего поэтому кануть в небытие, ведь ничто не может существовать без предназначения. Ниф-Ниф думал об осязаемом, а не абстрактном зле, скрывающемся за дверью, которое поставило его перед выбором – убить или быть съеденным. И поросёнок чувствовал, что убить Волка – значит самому стать хищником, разорвав тем самым связь не только с поросячьим миром, но и своим прошлым, своей личностью.

Ниф-Ниф понимал также, что этот выбор не случаен, как не случайно и появление Волка. Это событие – проявление некоей могущественной силы, непознаваемого существа, испытующе глядящего на поросёнка сразу через четыре окна.

Н.В. Гоголь:

Тут волка и попутал бес. Забрался он на крышу свежевыбеленной мазанки и заглянул в печную трубу. За его лохматым плечом было видно, как высоко-высоко плывёт в бархатном небе молодой месяц и проносятся тени ведьм, спешащих на Лысую гору. Хлопцы в хате притихли.

Волк крикнул и, подтянув шаровары, попытался спуститься в трубу поближе к поросётам, но не тут-то было! Корзинки блинчиков, пампушек, вареников, бубликов, пирожков и пирожончиков, съеденных за полдником, мешали ему даже сильнее, чем заплечный мешок с салом, выигранным в дурака у бабки Тараканихи...

Юз Алешковский:

– Ах ты, сука, – сказал Буратино сверчку и запустил ему в рыло табакеркой. Сверчок взвизгнул и скрылся под плинтусом.

Бл... дь, я же не ту сказку рассказываю!

Вечера на хуторе близ Лубянки. Пропавшее письмо

*Посвящается, конечно, не самому
Н.В. Гоголю, но хотя бы его
портрету, висящему перед
мысленным взором всякого пишущего.*

Солнце заходило над степью, опалая угасающим, но ещё сильным жаром майскую траву, людей и кустарники. Над хутором летало гавканье собак и бебеканье стад, возвращавшихся в стойла. Ранний вечер незаметно спускался на белые мазанки и переставала уже кружиться пыль на дороге.

Гарный парубок Гребенько сидел в задумчивости, куря люльку и покупывая пышные усы пшеничного цвета, макая их иногда в чарку с горилкой. Дум у него было – как иголок в лавке коробейника. Но все думы не переду-

маешь, засобиралися казак и вздремнуть первый раз за неделю. Поменял казённые шаровары на домашние, отвязал подвязки у чоботов и пододвинул к себе лежанку, набитую собачьим пухом...

Да не спалось как-то. Обдумывал он свою челобитную, поданную на медни на имя гетмана. Все безобразия атаманские были там описаны. И как горилку продают в хитрых сосудах геометрических, с тройным дном, и как табак с полынь-травой смешивают, и как быков племенных гонят через заставу беспошлинно, под видом карликовых, и как здание бursы по кирпичикам разобрали и сестре дяди жены атаманской избу построили. Воровство казённых денег наглое, самоуправство невиданное!

Дело дошло до того, что и церковь хуторская стояла покосившись. Подпёрли её с одного бока вилами, на том ремонт и закончился. И алтарь бурьяном зарос.

Всё-всё описал Гребенько в челобитной. Высоким слогом, с присказками и статистикой. Столько гусиных перьев на письмо извёл, что все гуси окрестные, едва завидев его, начинали разбегаться, как от лисы, а некоторые даже под облака взлетали.

Написать-то было еще полбеды, а вот как до самого гетмана бумагу добросить? Подпись нужна была верховного атамана! Без подписи не уйдёт письмо дальше завалинки. Стоит только сунуться в писарскую избу с письмом без подписи атаманской, как вылетишь оттуда, как ведьма на помеле (а с подписью и чёрта могли отправить, потому что писари и писарки все неграмотные были; только подпись атаманскую и умели различать).

Да только как же старший атаман подпишет письмо, где его собственные безобразия обсказаны? И всех собутыльников его? И не подделать никак подпись атаманскую, она полстраницы занимает, вся в завитушках заливчатских.

Крепко тогда думал Гребенько и наконец придумал, как подпись получить. Повезло ему в том, что старший атаман подарок получил от мастеровых китайских – веломашину диковинную. Весь хутор диву давался. Веломашина

эта – будто два кольца от бочки соединены палкой и цепью, а сверху седло приделано. Садись в седло, ногами перебираешь и едешь чуть ли не быстрее лошади! А лошади-то даже рядом нет! Вот ведь чудеса какие бывают!

Освоил верховный атаман эту веломашину, немало подавив кур и поросят, и стал на ней разъезжать. А зимой, когда степь сугробами заносило в два верблюжьих роста высотой, держал он веломашину на стене в опочивальне, где и бумаги рассматривал. Висела веломашина на двух здоровенных гвоздях, как один из знаков власти атаманской.

И вот однажды, зимней ночью, Гребенько дождался, как атаман за горилкой пойдёт, пробрался в опочивальню и хитро подпилит оба гвоздя. Так, что веломашина стала держаться на одном честном слове.

Утром же пошёл Гребенько на ярмарку и купил у одного эфиопа лист редкостной чёрной бумаги копировальной. Разложил он в папке кожаной два письма – сверху обычное письмо, потом – лист чёрной бумаги, а потом – то самое тайное письмо с безобразиями. После чего явился парубок на доклад к атаману. Чин-чином, раскрыл атаман папку, прочитал верхнее письмо и подмахнул его.

А Гребенько возьми и притопни незаметно об пол, как бы на радостях. Веломашина и свалилась на землю. Бросился атаман к ней, все бумаги на столе оставил. Мигом вытащил Гребенько из папки второе письмо и бумагу эфиопскую и за пазуху спрятал. Вернулся атаман, ничего не заметив, на том и разошлись. Унёс Гребенько подписанное тайное письмо и сдал его в писарскую избу, приписку сделав для скорости: «Срочно самому гетману, в его личные гетманские руки».

И вот дремлет казак, вспоминая всё это, и вдруг слышит шуршание какое-то за стенкой. Всё ближе шуршание, всё ближе. Как будто ползёт кто-то, останавливаясь и прислушиваясь. Насторожился Гребенько и шашку из-под подушки вытащил. Лежит наготове. Смотрит – а на подоконник мышь выскочила, поднялась на задние лапки и тянется, негодяйка, к чарке с горилкой.

Быстрее пущенной стрелы вскочил Гребенько с лежанки, наступил чоботом ей на хвостик и занёс уже шашку, чтобы из одной мыши две сделать. И заговорила тут мышь человеческим голосом:

– Погоди-ка минутку, гарный парубок! Отпусти меня, а я уж тебе пригожусь!

– Чем же ты мне понадобишься, мелкая пьяница?

– А вот увидишь. Мы, мыши, всюду бываем, многое видим, да и припоминаем на всякий случай. Ты не смотри, что у нас мозг размером с орех кедровый. Мы ведь не свинки морские, которые день-деньской лежат в своих ларьках, траву поедая со своими слюнями вместе. Мы животные с понятием. Отпусти меня и я тебе дважды пригожусь, не успеет ещё луна за горизонт закатиться. Дам я тебе сегодня ночью один мудрый совет и одну хитрую подсказку. Совет – прямо сейчас, а подсказку – когда она тебе нужней всего будет.

Ну, Гребенько был парень простодушный. Поднял он чобот и отпустил мышь. Мышь отряхнулась, блеснула хитрющими глазками-бусинками и говорит:

– Слушай совет. Беги прямо сейчас на конюшню, откуда фельдъегерская почта выезжает, изо всех сил беги, как будто у тебя чоботы горят, да спроси про свою бумагу. Отправлена ли она? Не случилось ли с ней какой оказии?

Сказала это мышь, махнула хвостиком и пропала.

Выбежал Гребенько из хаты, да так быстро, что домашние шаровары не успел переодеть.

Вбегаёт он на конюшню и окликает писарок:

– Гей, дівчата! Чи видправляли вы якусь бумагу?

– Га?

– Кажу, де видправка на сьогодні?

– Ондрій Олександрович! Та нє балакайте вы на мові, бо ні зрозуміємо ми нічого!

– Окей. Так где бумага, девочки-бабульки? На гетмана?

– Дак её же только что унес стажёр ваш новый! Ногами, говорит, унесу для скорости. Быстрее коня доскачу до столицы.

– Да как же вы могли отдать мою бумагу стажёру безмозглому?

– А по реестру. Вот и подпись его имеется.

Открыли тут старый-старый, потрёпанный журнал, а он чистый... Не только стажерской подписи, но и вообще никаких подписей в нем нет, хоть и ведётся он от царя Гороха.

Всплеснули тут руками бабульки секретарские, охнули-заголосили. Смекнули все, что дело нечистым пахнет.

Выбежал Гребенько из секретарской, от бабьего визгу уши зажимая. Побежал, сам не зная куда, да, на удачу, поскользнулся на полу свежевывомом. Посмотрел он на пол, а там вместо следов человеческих... Копыта отпечатались! Два копыта, как будто крупная свинья породистая голландская на задних ногах прошла.

Побежал Гребенько по следам, завернул за крайнюю мазанку, потом к оврагу, глядь: незнакомая бурая свинья чем-то шуршит в потёмках. Тайное письмо доедает!!!

Мелькнула тут в голове Гребенько фраза латинская крылатая, ещё в бурсе выученная: «Нон свинтус истинас поедамус!»[♥], ухватил он свинью за хвост и, поднапрягшись, развернул мордой к себе. Глянул – а это не свинья, а сам чёрт!

– Ну, здравствуй, Гребенько! – сказал чёрт и ухмыльнулся. – Пасквили пописываешь? Хочешь, чтобы приятелей моих атаманов прогнали? И чтобы церковь с бурсой отремонтировали? Не бывать тому! Сожру я всё-таки сейчас твоё письмо, хоть и твёрдое оно. И снова всё по-моему будет!

[♥] Свиньям истина неподвластна (лат.).

– Ах ты, бісов сын!!! Да я тебя как огрею сейчас шашкой, рога в копыта уйдут! – отвечает Гребенько и хвост чертячий не выпускает, а сам шашкой замахивается.

Видит чѣрт, что казак не из робких попался, стал на хитрости пускаться.

– Ладно, – говорит. – Отдам бумагу, если загадку мою отгадаешь. А не отгадаешь – измельчу сейчас бумагу в волшебном шрёдере и не узнает гетман про бесчинства атаманские! А сам со мной пойдѣшь!

Как свистнет тут чѣрт и закружились вокруг Гребенько ведьмы и вурдалаки с упырями, туча целая, не совладать. Вьются вокруг, как метель, голову кружат.

Ударил тут Гребенько шапку оземь:

– По рукам, харя заморская! Давай сюда твою загадку! Но если отгадаю – ты мне не только бумагу отдашь, но и на своем загривке до гетмана доведѣшь и обратно, да ещё поможешь письмо передать в евойные руки.

– Уговор так уговор. Ну, слушай тогда... Это такая штука, которая может быть и овальной, и прямоугольной, и легкой, и тяжѣлой, и длинной, и короткой. Если сделана она как полагается, то цветом она – как высшая обезьяна после жаркого места, где по заднице получают. А если сделана только для денег, а не ради блага человеческого, то цвет имеет – как лягушка, из тины выползшая. И без этой штуки ни свадьбы не обходятся, ни похороны. В хоровод, правда с собой её не берут, неудобно, но без неё и хоровод не в радость. Что это такое, отвечай!!! Минута тебе на размышления!!!

Задумался тут казак. Что за штука такая диковинная? Что за чертовщина с высшими обезьянами, жаркими местами, задницами и лягушками?

Бегут-бегут секунды, истечѣт скоро минута, а нет ответа у Гребенько. Вот-вот пропадѣт казак совсем.

Вдруг из какой-то щели в полу мышь появилась, та самая, узнал её Гребенько. Просеменила мышь мимо, а перед тем, как в норке скрыться, то-ненько пропищала песенку: «Папа может, папа может! Пара-па-пам-пам-пам!». Кинул в неё чѣрт кочергой, да не попал.

Осенило тут Гребенько. Сразу вспомнил он ролик рекламный, где под эту песенку крестьянин, душевно нездоровый, режет колбасу ломтями в три пальца толщиной. Колбасу! Ведь это она розово-красная, как лица людей, высших обезьян то есть, после горячей бани! Или зелёная, если подпорчена! И без неё какие праздники с хороводами?

Посмотрел Гребенько на чёрта, который уже и копытами начал потирать в предвкушении, да как гаркнет:

– Колбаса это!!! Подавай сюда письмо и свой загривок впридачу!

Завопили тут ведьмы-вурдалаки-упыри, да и с глаз пропали. А казак оседлал чёрта и вверх помчался, как пуля ружейная. Мигом долетели они до столицы и остановился чёрт у палат гетманских. Хрюкнул чёрт заклинание и в сон погрузилась вся стража ночная, попадали, кто где стоял.

Привязал казак чёрта к ограде, верёвку перекрестил, чтобы враг не сбежал. Выставил перед собой письмо, как щит, и стал к опочивальне пробираться. Дошёл наконец и видит: стоит посреди колонного зала, увешанного портретами императорскими, огромная золотая ванна с чёрной икрой. А в ней сам гетман спит, сны видит державные. А вокруг него – невольники опахалами машут, сделанными из больших неразрезанных листов центробанковских, с красными червонцами.

Подкрался Гребенько к гетману и вложил ему в руку письмо драгоценное. Чёрт на улице ещё раз хрюкнул, и проснулся гетман, стал письмо читать. Тут казак – руки в ноги – и ходу из палат гетманских. Выбежал к чёрту, пришпорил его, понеслись они обратно. Сбросил чёрт казака на крышу его мазанки, погрозил копытом и пропал.

А вскоре гетман и проверку прислал. Разбежались атаманы вороватые, как тараканы, вместо них новых избрали. И всё в хуторе наладилось. Вот только церковь совсем рухнула, вилы кому-то понадобились.

Полезные советы

(по мотивам Григория Остера)

Если Вас вчера, к примеру,
Встретила собака
И обрызгала слюнями с ног до головы,
Вы, придя домой, скорее
Свой мундир протрите,
Чтобы слюни не ходили
С Вами по Москве.
Потому что, будь Вы гений или даже сам Брэд Питт,
С Вами встретившись, заметят
Только слюни, а не Вас.

Если, роясь на помойке,
Вы нашли себе обновку,
Позаботьтесь, чтоб в комплекте
Она все-таки была.
Если Вас заметят в куртке
С кнопками для капюшона,
Самого же капюшона не увидят за спиной,
Все поймут, что эту куртку
На помойке Вы нашли
И наврали про зарплату
Той, которой врать опасней,
Чем курить, с ногами влезши
В бензобак подводной лодки.

Если Вы зимой решили

Побродить в открытой шапке,
 Гордо шевеля ушами,
 Красным вымпелам подобным,
 Не подумайте случайно:
 «Я спартанец и герой».
 Эти мысли Вам развеют
 Так, что будете мечтать Вы
 Не иметь совсем ушей.
 Вы поймите, что размахивать прилюдно
 Ярко-красными ушами
 Для здоровья очень вредно,
 Если Вы не коммунист.

Если Вы рукой дрожащей

От волнения и страсти
 Вдруг открыли эсэмэску
 От прекрасной юной девы,
 Но волшебных слов «Целую», «Чмоки-Чмоки!»
 Не нашли,
 Не мечтайте, не мечтайте,
 Как Вы броситесь на рельсы,
 Иль пробьёте головою
 Лёд у Крымского моста.
 Ваш полёт, весьма эффектный,
 Не приблизит к поцелую.
 Лучше посоображайте,
 Где зарылся Ваш косяк.

Если Вы способны мигом

Обогнать любой троллейбус
 И залезть на телебашню
 С бегемотом на плечах,
 Или отобрать у гризли
 Миску с кормом в зоопарке,
 Вы могучим каскадёром
 Не считаетесь пока.
 Вы попробуйте сначала
 Говорить с прекрасной девой,
 Не закапываясь в землю,
 Или быть всегда готовым
 К ней идти, не съев пустырник,
 Или сделать так, чтоб дева
 Всем довольная была.
 Понимаете отличья?
 Вы не на Олимпиаде,
 Не оценят Ваши мышцы,
 Если сверху нет мозгов.

Если Вы, живя в Мытищах,

Возгордились несусветно,
 Научились даже сверху
 Вниз смотреть на самолёты,
 Обратите-ка внимание:
 Это всё же не столица.
 Пусть здесь дороги дантисты,
 И огромны магазины,
 И в избытке колбасы,

И блестящи тротуары
(В общем, всё как у больших),
Не спешите возноситься:
Это самый лучший город
Лишь для тех, кто не способен
Обменять свои таланты
На картонную коробку,
Или погреб,
Но – в Москве.

Если Вы опять решили
Принести своей любимой
Свежий гамбургер из печки,
Убедитесь дважды, трижды,
Что успеете домчаться,
Не остынет он в руках.
Если все же не успели –
Подождите, вжавшись в стену,
И надев плотнее каску,
До тех пор, пока холодный
Бургер кинут в Вас гранатой.
Засмеявшись над картиной –
Современным натюрмортом –
Живописным беспорядком
Сыра с мясом на ушах,
Вам дадут одну секунду,
Чтобы отползти в траву.

Если Вам прислали фото,
 Той красавицы, что ярче
 Звёзд и даже фонарей,
 Не просматривайте мельком,
 И не вякайте не в кассу.
 Лучше сделать распечатку
 В виде карты, два на два.
 Разверните эту карту
 И смотрите, словно маршал,
 Нацепив очки на уши или,
 В сложных случаях, бинокль,
 До тех пор, пока причёску или новые серёжки
 Не увидите на ней.
 Осознав свою ошибку,
 Пулей бешеной летите,
 Покупайте все подарки,
 Что в окрестностях висят.
 Прибыв к ней, всё доложите,
 Что увидели на карте,
 И тогда, быть может, снова
 Фотографию пришлют.

А.П. Чехов и санаторий «Кукушка» представляют:

Генеральная уборка с вариациями (интермедия в одном акте)

Место действия: Москва, обычная ясеневская двушка. Ретро-мебель
 середины 1980-х, на столе – книги, вино, фрукты, надкушенный гамбургер.

Над столом – репродукция картины Гойи «Маркс обнажённый». Романтический полумрак.

Действующие лица:

Она (в шубе на голое тело, с пылесосом за плечами, в фартуке и рабочих рукавицах).

Он (в набедренной повязке, обмазанный мёдом, весь в перьях).

Она: Шах!

Он: (поднимает упавшую от неожиданности набедренную повязку и незаметно локтем передвигает ферзя вперед).

Она (бросает в Него шахматную доску).

Он (ловко уворачивается).

Она (бросает в Него пылесос).

Он (не успевает увернуться. Раздаётся деревянный стук).

Она (достаёт блокнот и ставит галочку):

– Ну что ж, переходим к следующему номеру культурной программы.

(Забирается по стремянке на антресоли).

Он (смотрит на Неё снизу вверх. Мёд начинает плавиться и стекать на ковёр. Перья опадают).

Она (шуршит на антресолях и достаёт оттуда кастрюлю с горячим борщом. Спускается вниз, запутывается полами шубы в стремянке. Снимает шубу и даёт Ему подержать).

Он (роняет шубу и падает на стремянку).

Она (роняет кастрюлю ему на голову. Раздаётся деревянный стук).

Он (борется с кастрюлей, запутавшись в шубе).

Она (отбирает шубу и пустую кастрюлю, садится к швейной машинке и начинает подшивать штору).

Он (не дыша, смотрит на неё).

Она (жестом разрешает Ему дышать).

Он (пытается что-то сказать).

Она (откладывает штору и требовательно смотрит на Него).

Он (начинает пылесосить, не переставая чистить картошку).

Она смотрит на часы и говорит:

– Хорошо посидели! В следующий раз ковры выбьем и на балконе порядок наведём.

Он (мечтательно улыбается).

Она (протягивает Ему руку для поцелуя).

Он (целует руку сквозь рабочую рукавицу).

Она (уходит и тает в синей, невообразимо прекрасной дымке).

Он (пытается оказать себе первую медицинскую помощь, одновременно рисует на клочке обоев 30 вертикальных палочек и представляет, что они все зачёркнуты. Вкус рукавицы ещё горит на губах, он глубоко вздыхает).

Неожиданный звонок в дверь.

Он (открывает, нечаянно отломив ручку).

На пороге – Она с двумя мешками.

Она: Забыла в машине! (Развязывает мешки, в одном – гречка, в другом – просо).

Он: ?!

Она (высыпает гречку в просо, перемешивает): Это тебе домашнее задание. Пока сделаешь – время и пройдёт. Чао!

Он (начинает отделять просо от гречки, не переставая смотреть на Неё).

Она (посылает Ему воздушный поцелуй и исчезает).

Он (ловит воздушный поцелуй, но тот проскальзывает мимо, летит на балкон и вверх, к прозрачным весенним облакам).

Занавес.

Киноккомпания Коламбия Пикчерз совместно с Ассоциацией психоаналитиков г. Мытищи представляют:

Самолёт любви

(мелодраматический триллер со спецэффектами)

ВАРНИНГ[♣]: некоторые сцены написаны под воздействием никотиносодержащих препаратов, скверного кофе, сюрреалистической живописи и в состоянии хронического недопересыпания.

Место действия: та же ясеневская квартира. Художественный беспорядок. Из окна торчит стремянка, на полу валяется опрокинутая кастрюля. Остатки борща на люстре и телевизоре.

Действующие лица:

Он (весь в зелёнке, перебинтованный. Вид – мечтательный).

Она (незримо присутствует, торжественно появляется в финале).

Он смотрит на картину «Маркс обнаженный», с видом знатока любуясь изгибами тела модели и клочьями её бороды. Доносится бормотание про игру света и влияние Сурбарана. В глазах Маркса – неясное томление и прибавочная стоимость.

Пищит телефон (пришла эсэмэска). Он берёт телефон, смотрит на дисплей, роняет телефон, подхватывает на лету, снова роняет, делает кульбит, стойку на ушах, крепко хватает телефон и читает эсэмэску вниз головой. (Вид – по-прежнему мечтательный).

Комната окрашивается в нежно-розовый цвет.

Крупный план – текст эсэмэски: «Слышала, что при термических травмах и контузиях помогает горячая ванна из сока эвкалипта с керосином. Не кури в ванной☺».

[♣] Предупреждение (англ).

Он идёт на балкон, свешивается, срывает листья эвкалипта, распугивая обезьян и попугаев. Забывает закрыть балконную дверь. Включает воду в ванной, подходит к компьютеру, открывает заднюю крышку, сливает керосин. На мониторе – тревожный сигнал: «низкий заряд батареи». Пинает системный блок, переходит в большую комнату.

Она уже заполнена обезьянами, полный бедлам. Один бабуин читает Орфографический словарь, держа книгу вверх ногами. Две мартышки слизывают остатки борща с телевизора, остальные смотрят «Пусть говорят», обсуждая увиденное.

Ругается с обезьянами, выгоняет их на балкон, переключает телевизор на «Битву экстрасенсов». На экране экстрасенсы заряжают воду и степлеры.

Краем глаза замечает голубой шейный платок, висящий за стеной, в другой комнате. Подходит к платку. В воздухе тает аромат редчайших духов, которые даже в Москве можно достать лишь после двух суток шоппинга. Тянет платок за краешек, он не поддаётся. Упираясь, тянет всё сильнее, и вдруг сам переворачивается и плашмя падает на твёрдый пол.

Трясёт головой и оглядывается. В руке – край простыни, стянутой с дивана. Оглушительно звенит будильник.

За окном – футуристический пейзаж Мытищ. Над небоскрёбами из стекла парят дирижабли с рекламой. Туристические автобусы стоят в пробке перед смотровой площадкой.

Он мгновенно собирается, хватая рабочий портфель и выбегает к ж/д вокзалу, разбрызгивая лужи и пугая гастарбайтеров. Вслед доносятся цитаты из Омара Хайяма. Не оборачиваясь, кидает назад противопехотную гранату.

Прибегает на платформу и с трудом втискивается в тамбур, хотя вокруг – ни души.

Машинист пропевает голосом Адели: «Следующая станция – Ясенево». Стюардессы предлагают пристегнуть себя к поручням, а потом уточняют, что их не так поняли.

Электричка разбегается, отрывается от земли и влетает в тоннель. За окном – крошечная темнота.

В темноте медленно загораются далекие звёзды. Они похожи на снежинки, летящие вверх, кружатся всё быстрее и складываются в звёздный портрет прекрасной молодой женщины.

Электричка исчезает. Он парит в воздухе, удерживаемый притяжением портрета.

Портрет становится ближе, сияет уже ослепительно ярко. Он открывает глаза и понимает, что это тоже был сон. За окном – весеннее утро.

Он включает компьютер, бегло просматривает последние 600 писем, помеченные значком розовой орхидеи. Подчёркивает некоторые фрагменты маркером на мониторе.

Звонит телефон. Он протягивает руку к маленькому чёрному мобильнику, но вдруг замечает, что вместо него – жёлтый дисковый телефон с гербом СССР, который звенит как бензопила.

Он просыпается.

На другом конце провода голос, благозвучный, как у енота, скрипит что-то бюрократическое. Он отвечает, корча страшные рожи, кланяясь и отдавая честь сапёрной лопаткой, кладёт трубку и смотрит в окно. За окном – промозглое зимнее утро, напротив – здание, похожее на сдохшего чёрного динозавра.

Передразнивает звонившего, размахивая руками, стучается о сейф справа. С дверцы сейфа слетает листок, исписанный вертикальными палочками. Он бережно поднимает листок, зачёркивает карандашом все палочки, мечтательно смотрит, кивает сам себе, кладет листок под клавиатуру.

Открывает папку с архивным паролем из 30 символов, смотрит на какую-то фотографию и начинает печатать всё быстрее. С клавиатуры сыплются искры. Он прикуривает от них, вглядывается в напечатанный текст и вносит исправления. Вместо «прекрасная Катерина» печатает «руководство ве-

домства», вместо «целую» ставит «с уважением». Стирает смайлики. Распечатывает и покидает кабинет.

На пороге вдруг останавливается, возвращается к столу. Достает из принтера лист формата А4. Втыкает себе в грудь ручку, вынимает её и пишет чем-то красным несколько слов на листе. Мастерит из него бумажный самолёт, загибает концы крыльев кверху. Распахивает окно и запускает.

Самолёт подхватывает ветром, он поднимается над крышей конторы, над Кремлем, взлетает к серым облакам и летит на юго-запад.

Час спустя прекрасная молодая женщина входит в комнату и видит, как в форточку стремительно влетает потрепанный бумажный самолёт и падает к её ногам. Она удивлённо поднимает мокрый от снега самолёт и он превращается в ветку сирени.

Титры.

О различиях в божественном и человеческом восприятии

(трактат-импровизация)

Посвящаю населению Сейшельских островов
и Ольге Бузовой персонально.

Чушь! Посвящаю Единственной и Неповторимой.

Действующие лица: Катенька (ослепительно красивая женщина с очень мягким характером), Андрюшище (симпатичный мужчина с очень жёстким характером).

Андрюшище (сидит в покойном кресле и просматривает газету с записью шахматной партии Крамника и Ананда).

Катенька (не спеша входит в комнату, обрывая дверные косяки): Чем занимаешься, дорогой?

Андрюшище: Да вот, моя бесценная, присел на минутку, пока круассаны доходят в духовке и утюг не нагрелся.

Катенька: А что это за знаки непонятные ты держишь перед носом?

Андрюшище: О! Это шахматная нотация. Смотри, радость моя, здесь Крамник жертвует ладью, чтобы двинуть слона вот сюда, на линию белого короля...

Катенька: Хрень какая-то.

Андрюшище: Вовсе нет!

Катенька (закипая, как чайник, поставленный на Везувий): Вот ведь упёрся как баран, ничего слушать не хочет! Я ему одно, он мне – другое. Баран и есть! Алло, метеостанция? Какая буква в слове «хрень» тебе непонятна?

Андрюшище: Катенька, я только...

Катенька: Бе! Ме!

Андрюшище: Я с тобой полностью согласен, вот только...

Катенька: Что?! Полностью, а не абсолютно?! (в гневе роняет сумочку на голову Андрюшищи).

Андрюшище (бросается, чтобы поднять сумочку).

Катенька: По-твоему, я настолько толстая, что сама не могу поднять сумочку?

Андрюшище: ?!

Катенька: Молчишь!!! Назвал толстой и молчишь!!! И ещё игнорируешь!!! Толстым пустым местом назвал меня только что, вот только что! И молчишь!

Андрюшище: Звезда моя, ты самая красивая на свете! Что же ты говоришь такое?

Катенька: Ну вот, опять! «Звезда»! По-твоему, я холодная и безвоздушная? И могу стать черной дырой?! Ещё раз пустым местом назвал меня!!! (Щипается, ломая Андрюшищу два ребра). Иди, продолжай заниматься хренью, придуманной идиотами для дебильных имбецилов!

Андрюшище (держась за бок и голову): Тысячелетнее искусство шахматной игры...

Катенька (яростно топает прекрасными стройными ножками): Хрень! Хрень! Хрень! Вот кидание чебуреков на дальность – это игра. Развивает меткость и сообразительность. Давно хотела тебе подарить чебуреки и рулетку, чтобы ты играл с Мишастиком, а теперь не буду!!!

Андрюшище: А я бы так хотел получить от тебя эти подарки...

Катенька: Вообще больше ничего не подарю! И запрещаю покупать самому!!!

Андрюшище: Вообще у меня уже есть рулетка...

Катенька: Есть?!! Откуда?! Кто еще дарит тебе подарки?! И опять перечишь мне!!! Вместо того, чтобы успокоить и поцеловать, опять в бутылку залез с задними ногами?!

Андрюшище: Солнышко, не сердись! Можно тебя поцеловать?

Катенька: В следующем году!

Андрюшище (выбегает на улицу, чтобы пройтись по парку и побиться головой о деревья).

Катенька (догоняет): И ещё, я тебе как-то подарила новую раскладушку, а ты её до сих пор держишь на работе! Почему?!

Андрюшище: Не могу влезть с ней в вечернюю электричку, да и сложно как-то объяснить...

Катенька: Снова отговорки! Тебе просто не понравилась раскладушка! Наверное, не подходит по цвету к твоим колонкам, или из какой ещё фигни ты там слушаешь непонятно какую хрень (как её, рок или ролл, не помню!), которую ещё и мне присылаешь время от времени, пользуясь моей добротой! По-твоему, я в мебели не разбираюсь?! И в музыке?! И в музыкальной мебели?! Да, вот ещё! Почему ты переспросил, когда я по телефону сказала тебе, что привезу раскладушку?

Андрюшище: Не переспрашивал...

Катенька: Опять противоречишь мне! Переспрашивал! Всего 4 месяца прошло, а ты уже не помнишь, что сам говорил!!! Только меня и слышишь, эгоист! Отвечай немедленно, почему переспрашивал!

Андрюшище: Может, что-то в телефоне отошло...

Катенька: Это в ухе у тебя что-то отошло! Не слышишь меня, не понимаешь, не любишь, вот!!!

Андрюшище (хватается за сердце. Подъезжает «Скорая», забирает Андрюшище и трогается).

Катенька (срывает фонарный столб и бросает его вслед «Скорой». Опытный водитель делает вираж и прибавляет скорости. Катенька догоняет машину и отрывает заднее колесо. «Скорая» кое-как уезжает на трёх колесах. Катенька бросает колесо в небо. Опытный пилот «Ил-166» делает вираж, уклоняясь от колеса, и прибавляет скорости).

Катенька (думает: «Вот ведь разозлил, баран этакий! Что за характер! Только «нет» и слышу! Куда это он поехал, кстати? Не сказал ничего... Вернётся, получит по первое число!» Потихоньку успокаивается и нежно улыбается).

Сквозь серые сугробы начинают прорастать весенние цветы. Воробьи, пролетающие над Катенькой, становятся белоснежными. Выглядывает солнце и тут же прячется, будучи не в силах соперничать с сиянием земной богини.

Катенька заходит в подъезд и внешний мир сразу становится пустым.

Андрюшище, пришедший в сознание, едет в «Скорой», соображая, будут ли видны на рентгеновском снимке ребер отпечатки её пальчиков. Он поворачивается, чтобы спросить об этом двух фельдшеров, всё еще обсуждающих, какая красавица провожала пациента, как вдруг осознаёт, что он вовсе не едет никуда, а сидит на работе и печатает на компьютере вот эту самую строчку. Он задумывается над тем, стоит ли посылать вечером Катеньке получившуюся пародию, боясь рассердить её (боже, как непредсказуемы все её реакции!), одновременно понимая, что нет ничего чудеснее её улыбки и ради неё можно пойти на любой риск.

Теоретический Геннадий

(материалы к семинару психологов-практиков)

Действующие лица: Катюшечка, Андрей Александрович.

К.: Я сейчас разговаривала с Машкой, она в очереди к банкомату познакомилась с продавщицей и та знает, что ей рассказала?

А.А.: Что?

К.: Как-то раз заходит она к своей знакомой. Сидят, болтают, едят морскую капусту. И тут приходит муж этой знакомой и спрашивает её: «Хочешь кефира?» А та и говорит: «О! Это тема. Давай!»

А.А.: Классная история.

К.: Ты понимаешь, *что* это значит?

А.А.: Что?

К.: Вот ты вроде умный у себя в конторе, но иногда такой баран! Это означает, что муж *угадал её желание!!!* Вот прямо предвосхитил!!! Ты понимаешь теперь, какое может быть *взаимопонимание?! Насколько* люди могут подходить друг другу? И насколько мы друг другу не подходим?!

А.А.: Хочешь кефира?

К.: Нет!!! Уже нет!!! Его хотела Машкина знакомая продавщица из Сбербанка, а я хочу другого!!!

А.А.: Чего именно, радость моя?

К.: Не скажу!!! Ты и так должен знать!!! Угадывай!!!!

А.А.: Шубу? Сумку? Электрическое пианино? Говорящего лабрадора? Душевной гармонии? Моей гибели? Двадцать соток в Венеции?

К.: Не угадаешь никогда, потому что ты – не такой. А должен быть таким.

А.А.: Каким?

К.: А вот таким. Не могу даже слово подобрать.

А.А.: Попробуй. Слова обычно сильно помогают. Каким конкретно?

К.: Не таким, как сейчас.

А.А.: Я понял, что не таким, а каким?

К.: Таким, чтобы я сама сразу поняла: «Ты – такой!»

А.А.: Таким, как тот, который кефир предложил?

К.: Таким, но лучше.

А.А.: У тебя есть хотя бы реквизиты, чтобы я его нашёл, провёл с ним беседу и впоследствии подражал, стараясь превзойти?

К. (передразнивает): «Реквизиты»! «Нашёл»! «Провёл беседу»! Вот всё-таки контора в твоих мозгах плешь проела! Ты сам по себе должен быть таким, чтобы не искать ничего, точнее искать внутри себя, точнее, не искать вообще, потому что и так всё лежит на виду. Вот чтобы я только успела подумать, а ты уже сразу – раз – и о чём я подумала, такими же словами.

А.А.: Ты точно не хочешь кефира?

К. (раздражаясь): Я сейчас покажу тебе такого кефира, что ни один доктор не сможет из тебя бутылку вытащить! Так и будешь ходить, гудя задней частью, как пароход «Вячеслав Молотов»!

А.А.: (стараясь загладить оплошность): Может, у тебя хоть фамилия его есть?

К.: Нет у меня никаких фамилий! Я не справочная! Знаю только, что его зовут Геннадий. Может (мечтательно), когда-нибудь и я встречу себе такого Геннадия... А не встречу – буду внуков нянчить.

А.А.: Ты так молода и красива, а говоришь про внуков.

К.: Что же мне остаётся делать, если мужчины меня не понимают? Буду внуков нянчить.

А.А. (саркастически): А если внуки тоже не будут понимать?

К. (деловито): Тебя по чему треснуть?

А.А. (стараясь загладить оплошность): Дорогая, а тот, кого ты хочешь встретить, обязательно должен называться Геннадием? Или возможны варианты? Скажем, ну, не знаю, Андрей? Навскидку, первое попавшееся.

К.: (мечтательно) Нет, только Геннадий... А тебе-то зачем? Паспорт поменяешь?

А.А.: Не вопрос.

К.: Вот весь ты такой конкретный, когда не нужно. Ценю твою готовность, но... Не хватает тебе... не то чтобы романтики...

А.А.: Мне? Романтики?

К.: Там, где нужно.

А.А.: Я хотел бы пересчитать снежинки на твоих волосах...

К.: Вот и пересчитывай! Счёты не забудь! Только издалека, эдак теоретически. Пусть я буду удалённой музой. А ты пересчитывай.

А.А. (целует воздух, где только что была Катюшечкина щека): Хорошо. Пойду устный счёт подтяну и морской бинокль приобрету, чтобы тебя лучше видеть (делает вид, что уходит, а сам прячется на пустынной улице, наблюдая из укрытия).

К. (идёт к метро, спускается, проезжает 30 станций, вылезает и в задумчивости бредёт по МКАДу): Вот тоже вроде симпатичный парень, две руки, две ноги. Но совсем без понятия. Ахинею какую-то нёс всю дорогу. Про кефир... Неужели так сложно понять, чего я хочу? Я ему и прямо, и косо, а он всё сидит на своей колокольне. Два мира – две системы. Слишком он сложен для такой простой девушки, как я.

Сумерки опускаются ей на плечи.

Опаздывающая красавица

(сатирический выпад с эпистолярной концовкой)

Если Кэтрин, Солнышко моё ненаглядное, говорит, что выйдет с работы через 15 минут, а выходит через полчаса, **ЭТО НЕ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО:**

- она не держит слово;
- она держит слово, но оно ничего не стоит;

- на неё нельзя положиться;
- на неё положиться-то можно, но её мировоззрение неустойчиво, как палуба корабля; так что полагаться, конечно, нельзя;
- она хотела сорвать мой рабочий график;
- она хотела навредить государству;
- её начальство хотело навредить государству;
- она не умеет определять время;
- она живёт по лондонскому времени;
- она пользуется песочными или солнечными часами;
- её часы встали (следовательно, она не умеет заботиться о бытовых приборах, следовательно, она плохая хозяйка);
- её часы подверглись атаке диверсантов (хотевших навредить государству);
- она не знает поговорки «время – деньги» (следовательно, мало читает, следовательно, мало общается с людьми, следовательно, ненавидит людей);
- она хотела, чтобы я долго стоял на одном месте и свалился в госпиталь с приступом плоскостопия;
- при встречах я должен резко выхватывать свой мобильник и требовать, чтобы она быстро определяла, сколько времени;
- при встречах нужно требовать, чтобы она определяла время по всем часам на зданиях, которые попадаются по дороге, а также по солнцу, луне, звёздам, ряби в лужах, полёту голубей и униформе полицейеров;
- при встречах в кинотеатре я должен доставать часы и, потряхивая их перед носом у Кэтрин, саркастически замечать: «Надо же, вовремя фильм начался! А у нас-то что же так плохо со временем?»;
- заметив, что Кэтрин носит часы только на одной руке, а на ногах вообще не носит, я должен критиковать её и упрекать в отсталости взглядов, ссылаясь на зарубежный опыт;

– в начале программы «Время» я должен звонить Кэтрин и требовать, чтобы она немедленно сверила все часы в квартире и подъезде с телевизионной пищалкой;

– в начале и в конце (для запоминания) каждого разговора с Кэтрин (а также писем и смс) я должен к месту и не к месту вворачивать пословицы и поговорки, а также афоризмы, связанные со временем («Делу – время, потехе – час» и т.п.); при этом основные усилия я должен тратить на поиск в Интернете соответствующих цитат;

– при встречах я должен всё время напевать тему свиридовского «Время, вперед!» и придумать текст к этой музыке; как вариант, можно напевать на русском, английском и украинском языках припев из песни Пугачевой «... и время ни на миг не остановишь» (при этом выразительно смотреть на Кэтрин, актерски обыгрывая каждое слово; в тёмное время суток включать фонарик, подсвечивая свои пантомимы);

– я должен взломать личный кабинет Кэтрин в Мегафоне (и МТС) и установить ей на телефон рингтон с боем Биг-Бэна; если она его поменяет, следует устроить 8-часовую разборку, припомнив все грехи Кэтрин с детского сада, в том числе те, которые не связаны с её ориентацией во времени;

– я должен взломать рабочий и домашний компьютеры Кэтрин и увеличить часы в правом нижнем углу так, чтобы они закрыли весь рабочий стол;

– при ходьбе я должен раскачиваться, как маятник, не забывая издавать тиканье (и требовать того же от неё);

– я должен присылать ей открытки исключительно с изображением кремлевских курантов и их же звуками;

– я должен ходить с Кэтрин по антикварным лавкам, дотошно расспрашивая продавцов о моделях часов с кукушкой и пытаться определять породу кукушек;

– под видом социолога я должен приставать к знакомым Кэтрин, спрашивая их «Какое место в вашей жизни занимает время?», «Что вы делаете,

чтобы узнать, который час?», «Как вы ведёте себя, когда не понимаете, который час?», «Часто ли вы злитесь на рукава, мешающие увидеть время на часах?»;

– я должен подарить Кэтрин красочное издание «Сказок дядюшки Тик-Так», причем имя этого дядюшки подчеркнуть маркером и посыпать блёстками, чтобы бросалось в глаза; аналогичные манипуляции проделать с романом Т. Вульфа «Время и река» (в котором подчеркнуть маркером каждое слово «время»); выяснив, что Кэтрин не помнит наизусть указанных произведений, я должен критиковать её за отсталость взглядов, ссылаясь на зарубежный опыт;

– я должен взять творческий псевдоним «Андрей Будильник» и пробиваться под этой вывеской в издательства и редакции;

– при встречах с незнакомыми людьми я должен представляться как Спидометр Хронометров;

– я должен заставлять Кэтрин детально вспоминать, что она говорила 5, 10, 30 минут, неделю, 42, 184 дня назад, чтобы понять, как она ориентируется во времени, тщательно записывать её ответы и повторять процедуру на следующий день; уличив её в неточностях, я должен последовательно повторить все указанные в предыдущих пунктах действия;

– я должен притащить во двор её дома увеличенную в 1000 раз копию наручных часов и водрузить её на бетонную основу (и не забывать их заводить);

– я должен обтесать отбойным молотком её дом так, чтобы его силуэт стал похож на часы;

– все крупные часы, встречающиеся по дороге, я должен переводить в жидкое состояние, пытаясь воспроизвести картину Сальвадора Дали «Постоянство памяти»;

– я должен сделать пластическую операцию, чтобы моя голова стала походить на часы с кукушкой (а также громко делать комплименты всем

встречным женщинам и мужчинам, у которых голова уже приобрела треугольную форму).

Нет!!!! Все не то. То, что Кэтрин вышла не тогда, когда собиралась (и сказала мне), – НЕ ЗНАЧИТ НИ ХРЕНА!!!!

А что же тогда это значит?! Понятия не имею, потому что не задумываюсь о всякой ерунде! Значит, была причина, и всё.

И не делаю выводов, имеющих столько же оснований, сколько мытинская экономика имеет западных инвесторов!

Чего и всем желаю!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Круговерть житейская, душенька моя, куча мелочей, не стоящих того, чтобы:

1. На необыкновенно прекрасное лицо падала тень гнева.
2. Голос, божественный голос Кэтрин, по сравнению с которым самый сладкоголосый ангел поёт как Джигурда, вставший с перепоя, приобретал тональность, которой нет на моём синтезаторе и от которой облетают лепестки даже с бронзовых и каменных цветов.

Что еще написать сатирику?

Питаю надежду... (глупое выражение! Конечно, не люди питают надежды, а надежды питают их. Как солнечный свет) Надеюсь, что, склеив ласты... Вульгарно! Отошед в мир иной... Книжно! В общем, дав дуба раньше тебя (на что, кстати, тоже эгоистично надеюсь, не могу представить мир без тебя), ты будешь вспоминать умопомрачительные, красивые, нежные, трогательные, смешные моменты, а не мои косяки (многочисленные, к прискорбию моему).

В мире столько всего! Ты прекрасна. Я тоже ничего (особенно в темноте:) Наверное, лёгкое отношение к мелочам – необходимое условие для прогресса в значимых вещах. Сколько всего важного... Кто мы? В чём наше предназначение? Что мы можем сделать, чтобы мир стал лучше? О чём мы думаем перед сном? Какая первая мысль приходит к нам утром? О чём мы

мечтаем? О чём просим Создателя? Что заставляет сердце трепетать, а мурашки бежать по телу? Только это имеет значение. И это самый ни на есть прагматичный взгляд на вещи.

Завтра я буду привязан к рабочему месту намертво:((((Нужен решительный штурм, чтобы уже скоро подольше побыть с тобой. Скучаю ужасно.

Целую, моя умница и красавица.

Аннотация к фильму «Горько-2»

«Горький-2»

(романтическая драма с элементами мюзикла)

Лос-Анджелес, наши дни. В город приезжает честолюбивый молодой писатель Максим Горький, имея при себе рукопись романа «Жизнь Клима Самгина» и мешок воблы. Он начинает обивать пороги издательств. Редакторы охотно едят воблу, но опубликовать произведение отказываются, потому что не понимают даже его названия. В поисках удачи проходит лето и осень. Горький идет на отчаянный шаг...

Он сбрасывает пышные усы, сооружает из них шерстяную палатку и зимует в Санта-Барбаре. Холодными ночами, когда температура опускается до плюс 15, экономя даже на чипсах, он согревается лишь работой. В рекордные сроки Максим пишет новый роман – «Американская трагедия» и весной начинает новый путь по издательствам.

Но его снова настигает поражение. Он перечитывает свой роман снова и снова, пытаясь понять, в чём причина, почему острый сюжет и блестящий стиль не находят понимания. Наконец один из издателей открывает ему шокирующую тайну: оказывается, точно такой же роман несколькими годами ранее был написан неким Теодором Драйзером и даже выдвинут на Нобелев-

скую премию. Невероятное совпадение! Любой человек опустил бы руки при этом известии, но только не Горький.

Он сжигает шерстяную палатку, поклявшись добиться успеха до следующей зимы, берёт псевдоним Макс Пешкофф, переезжает в Голливуд и на полдоллара, вырученные за оставшуюся воблу, снимает фильм «Старуха Изергиль». Участие в фильме Майкла Джексона приносит фильму известность, звуковая дорожка становится хитом. Пешкофф открывает свой продюсерский центр, одновременно профессионально занимаясь скалолазанием, гольфом, китобойным промыслом, вьетнамской живописью, бухучетом и сумо. Он живет максимально насыщенной жизнью, будто предчувствуя, что когда-нибудь, лет через 80... О нём самом снимут автобиографический фильм и однажды, в далёкой снежной Москве на него придёт посмотреть сама богиня весны в сопровождении... Ну, просто человека, мечтающего прикоснуться к ней... и пишущего посреди гремящего и звенящего бюрократического бардака эти несколько строчек, которые были бы страшно интересны врачам диспансерного отделения, но останутся им неизвестными, ибо... Всё уже написанное и предстоящее, стоящее и пустячное, адресовано только ей.

Аннотация к детской повести «Травка»

(издательство «Дрофа», 2014 г.)

Главный герой повести – симпатичный голубоглазый паренёк Травка Вштырькин, житель маленькой афганской деревушки. Проснувшись однажды утром, он посмотрел в окно своей глиняной хижинки и обнаружил резкое обострение оперативной обстановки, связанное с выводом Международных сил содействия безопасности из милого Афганистана.

Выбежав за околицу, он пытается остановить колонну дружественных американских танков, бросая под гусеницы овец и коз. Сквозь блеяние и мат,

знакомый по боевикам, колонна уезжает и мальчик остается один на дороге, вымощенной жёлтым кирпичом.

Он решает пойти учиться в Кабульский политех (на факультет бронетехники), но рыбы в Афганистане нет и поэтому он не может пойти в университет за обозом с рыбой, как его прадедушка Ломоносов. Другие же способы получения образования неизвестны даже старейшинам деревни, окруженной живописными плантациями и реабилитационными центрами.

Перекусив наскоро волшебным супом из больших красных цветов, Травка чувствует прилив сил, взлетает над деревней и устремляется в сторону Пакистана. У границы его сбивают из зенитной установки, он ударяется о землю и становится краше, чем был. Пакистанские пограничники направляют его на модельный конкурс «Мистер Исламабад», он триумфально выигрывает, переезжает в Шанхай и пишет продолжение знаменитой книги Конфуция «Лунь Юй», обосновывая, в частности, такой революционный тезис: «Лянь бабань сю фу, сяо ма бабань ляо сянь!!!»

Не выдержав нападков прессы, усмотревшей в этом постулате признаки фальсификации китайской истории, Травка отдирает с висков куски скотча, возвращая нормальный разрез глаз. Никем не признанный, он покидает КНР и возвращается в Европу.

Прогуливаясь по бульварам Пхеньяна, он случайно забредает на заброшенную атомную станцию, где спасает от голодной смерти члена могущественного клана Самсунговичей, бакенбарды которого попали в лазерный принтер. Возвысившись, он становится чрезвычайным и полномочным послом КНДР в Афганистане.

В одной из дипломатических поездок он познакомился с говорящим пеликаном, владельцем небольшой рыбной лавки. Их сблизила общность судьбы и сложность решения текущих задач: в Афганистане не было ни рыбы, ни перспектив развития корейско-афганских отношений, ничего вообще — кроме огромного количества больших красных цветов.

Однажды друзья лежали на поле, курили цветы и внезапно осознали, что на самом деле они являются одним существом, сидящим одинаково далеко от Кабула, Шанхая и Пхеньяна и думающим о женщине, чары которой бесконечно сильнее действия всех волшебных растений и продуктов их переработки.

Киборг (киносценарий)

Мытищи, XXII век. Миром правят машины (правда, оригинальная фраза?)

Выжившие люди находят добровольца и делают из него киборга. Дают ему флэшку с вирусом и направляют в прошлое, чтобы он не дал победить машинам. Прибыв в прошлое, киборг не обнаруживает ни машин, ни людей. Повсюду только гигантские папоротники, медузы размером с футбольное поле и континенты, которых нет на карте.

Сообразив, что он забрался слишком далеко в прошлое, киборг возвращается куда надо, вставляет флэшку куда надо и собирается отчаливать, как вдруг обнаруживает в себе борьбу мотивов. Он сам – машина или человек? Если машина – какого чёрта он препятствует наступлению эры машин? Если человек – то почему он железный и с батарейками в интересных местах?

В смятении киборг бродит по местности и не может найти ни ответов, ни подружки как среди самоуправляемых танков и комбайнов, так и среди людей-ополченцев. Эта производственная драма кажется неразрешимой, но тут киборга настигает главная супер-машина-терминаторша, которой он вставил флэшку. Она нашла его, потому что он забыл колпачок от флэшки. Она протягивает ему флэшку, он тянется за ней, таянется, прикасается к терминаторше, затрагивая её оголённые провода, проскакивает искра... И вот

он уже влюблён, и шестерёнки задорно стучат, а приборки показывают неисправности.

«О, моя механическая!» – пылко скрипит он, и вдруг всё обрывается и он снова оказывается в лаборатории. Врачи с инженерами склонились над ним, тыкают в него и орут: «Так мы и знали! Ты нас предашь с этой железякой! Только демо-версию запустили, а он уже шуры-муры крутит с терминаторшей!!! Фак тебя и расфак, расфакованный ты расфакер, фак тебе в фак! Фак, фак, фак!» (непереводимая игра американских слов).

Потом по экрану ползёт мелкий текст, объясняющий глубокий смысл происшедшего. Титры.

Об электронных слугах дьявола (письмо крестьянке)

Весьма многими, а точнее, одной-единственной, задаётся вопрос о полезности использования в житейском быту электронных устройств и прочих новомодных изобретений, как-то: мобильные телефоны, аськи, хренаськи и прочие скайпы.

Казалось бы, подобные устройства облегчают бытие, высвобождая время для занятий, приличествующих душе и телу. Устройства эти зачастую удобны и не лишены известной элегантности. Разбираясь в их свойствах, функциях и интерфейсе, человек невольно упражняет свой интеллект и память.

Но нельзя забывать, что все без исключения электронные и тому подобные устройства имеют зловредную сущность.

Они втягивают культурных людей в бесконечный круговорот потребления и шопинга, созданный жидомасонскими идеологами. Постоянное появление всё новых и новых устройств приводит к тому, что люди начинают соревноваться между собой в количестве и качестве технических новинок, а отнюдь не в добродетелях. Более того, некоторые из наиболее достойных

граждан иногда даже порицаются и попинываются любимыми красавицами за недостаточное овладение хитростями электронных устройств.

Они, эти дважды зловредные устройства, не дают исполниться предназначению человеческому, заключающемуся в преобразовании мира трудом рук своих. Вместо того, чтобы, подобно древним патриархам, идти с косой или серпом на поле со злаками, или возделывать землю, орошая её своим потом, чувствуя её первоначальное сопротивление и последующую благодарную отдачу, ощущая твёрдость благородного металла лопаты или тяпки, узнавая каждую травинку и приветствуя по имени каждое насекомое и иную бессловесную тварь, выползающую подивиться на могучего земледельца... Вместо всего этого... Как додику взять какой-нибудь триммер или хренимер, или проехать на мотоблоке, не почувствовав ни чего и не соединившись с матерью-землёй в умозрительном и физическом экстазе?! Не быть по-сему!

Они, эти трижды зловредные устройства, заслоняют истинный образ мира, заставляя вглядываться не в лицо любимой, а в её маленькую фотографию, полученную по «Ватсапу», вслушиваться не в звучание оркестра, а в писк наушников, отражающих отражение отражения оркестра. Они, правда, бывают незаменимы, но всегда в прискорбных обстоятельствах. Жаль до глубины души, что, например, одному страстному юноше, не лишенному даже поэтического вдохновения, нельзя увидеть в любую минуту свою музу. Так пусть небольшой отрадой ему послужит возможность услышать её музейный голос по мобильному телефону. Отрадой – но никогда не заменой!

Они, эти четырежды зловредные устройства, придают видимую лёгкость жизни людей, заставляя их забыть истину, гласящую: «Ценно лишь то, что досталось тяжёлым трудом».

Они, эти пятижды зловредные устройства, были неизвестны лучшим людям планеты, которым должно подражать всякое существо, претендующее на звание человека. Едва ли Данте стал бы лучшим поэтом, подключись он к «Ватсапу». И едва ли Гомер вздумал бы чистить зубы электровеником.

Отрадно, что опасность описываемых устройств понимает всё больше людей. Возникают даже стихийные движения, борющиеся за отказ от электронных вещей и возвращение к природе. К примеру, некоторые жительницы одного из немалых городов, граничащих со столицей, принципиально не используют фен для волос после омовений и ополаскиваний. Они предпочитают, омывши себя, вылезти из ванны и быстро бежать по местности, чтобы волосы высохли. Причем не потея, что говорит о высоком уровне физической подготовки этих достойных женщин. Отдавая должное их усердию, отмечаю, что оно, по-видимому, всё же излишнее и феном пользоваться дозволительно. Но только красавицам с шикарными волосами, вызывающими воспоминания о бурных волнах океанских. А три пера и так высохнут.

Эразм Украинский
г. Мытищи, некоторого числа.

Мытищинский продюсерский центр «Гопникс девелопмент» совместно с доктором Споком, ассоциацией гомеопатов «Зелёные таблетки» и клубом любителей оружия массового поражения «Атомные грибочки» представляют:

Мамакиавелли (античная трагедия)

Действующие лица:

Мама.

Большой, нет, огромный сын.

Другие члены семьи.

Звонок в дверь.

Мама (с воодушевлением, переходящим в сарказм): А вот и сыночка пришёл! Два месяца маму не видел, и даже не позвонил из лифта, что подъезжает! Уси-пуси, совсем большой стал!

Сын (устало): Здравствуйте, маменька.

Мама: А почему обувь не протираешь от пыли?

Сын: Я ещё не разулся.

Мама: А когда разуешься, забудешь. Протри, не разуваясь. Но вымытыми руками. Но не берись чистыми руками за тряпку.

Сын (разобравшись с обувью и мытьем рук, подогревает суп и начинает его поедать. Внезапно слышит подозрительное шуршание и выглядывает в коридор).

Мама (роясь в портфеле, достаёт смартфон и пытается его включить, не снимая чехла): Что это такое?

Сын: Маменька, я вам тыщу раз говорил: не смейте рыться в моем портфеле!

Мама: Но я же должна интересоваться жизнью сына! Почему эти кнопки не нажимаются? Когда ты меня обучишь компьютеру? На какой машине ездит твой папаша и сколько стоит его дом? Почему ты не даёшь его рабочий телефон, я хочу каждые 5 минут звонить и вешать трубку. Правда ли, что Путин – еврей? Ты не брал мои лыжи с балкона, когда был в Ясенево? Куда ты вылил большую кастрюлю, там был борщ для Анатолия Ивановича? Я добавила туда щёлочи, он бы не испортился. Почему ты не ведёшь меня на «Планету обезьян»? Там у меня однокурсник снялся в роли повстанца.

Сын (автоматически отвечает): Потому что не заряжен, на мерседесе, кучу бабла, это глупо, неправда, не брал, на помойку, рад за него.

Мама: Я тебе сникерсов принесла. На, покушай!

Сын: Маменька, я ем суп!!! Это – суп!!! И я его ем!!! Кто ест суп с шоколадом?

Мама: Я ем. А ты покроши в супчик. Вот так, вот так (крошит в суп сникерс). Вот станешь отцом, в смысле когда твой сын станет отцом, тогда

как отец отца ты поймешь, как относиться матери к отцу внука. Если бы я была в твоём возрасте и мама принесла бы мне сникерс, я бы не выпендривалась! (пытается подвязать сыну слюнявчик).

Сын (отмахиваясь): Откуда бы она взяла сникерс в 1977 году?

Мама: Не умничай! Научила читать на свою голову. (Берет молотый кофе, насыпает в чашку, заливает кипятком).

Сын: Маменька, что же Вы делаете? Это же не растворимый кофе! Это для французского прессы! Бурда ведь получится!

Мама: Вижу, что растворимый. Наверняка за безумные деньги купили. Вот я вчера в «Пятёрочке» купила по акции ведро растворимого кофе всего за 15 рублей (достаёт ведро из косметички). И фирма известная – «Ельцин Мандела». (Пьёт кофе, плюется). Б-р-р-р. Вечно какую-нибудь гадость подсунете! (оставляет кофе). Ничего, постоит пару дней, дойдет. Может, облепихи добавить?

Сын: Давай не захламлять стол всякими помоями! Я сейчас вымою посуду.

Мама: Небось этими вашими губками из синтетики. И этим вашим машинным маслом. Я читала, что оно тысячу лет не смывается! Люди проверяли на себе. Главное – чтобы всё было натуральное! Этим нужно мыть! (достаёт из рукава небольшую метровую тряпку, похожую на кусок рубероида, пролежавшего 200 лет под землей. Рвёт и топчет губки, выливает в раковину жидкость для мытья посуды, насыпает соды в пустой флакон).

Сын (сбегает с отстатками супа в большую комнату и включает музыкальный центр. Звучит приятная музыка).

Мама (заходит в большую комнату, не глядя собирает диван вместе с лежащими на нём членами семьи), включает на полную громкость телевизор. На экране – русский сериал, все орут друг на друга, не прекращая стрельбу): Не помешаю?

Сын (негодующе пыхтит и скрывается в других комнатах).

Мама: Ну вот, никто и стакана воды не подаст на старости лет (ест мороженое с вареньем, одновременно щелкая семечки. Из-под дивана доносятся сдавленные звуки. Смотрит в телевизор): Вечно какую-то ахинею показывают, не на что смотреть (прибавляет громкость, усаживается поудобнее и скоро засыпает).

В полумраке пищит будильник.

Сын тихо-тихо выбирается из кладовки, выпивает холодный кофе, осторожно одевается, берёт портфель. Ручка портфеля отрывается, портфель падает на пол. Сын, чертыхаясь, выкидывает из портфеля морковь, капусту, чебуреки, баранки, укроп, 3 шоколадки «Алёнка», борщ в термосе, кашу в кастрюле, тушёные кабачки, 7 кг бананов, карту Московской области с отмеченным маршрутом до маминой дачи, тяпку, ряженку, фотоальбом, бронзовую голову Тараса Шевченко, пельмени, зонт, мешочек земли с дачи, запеканку, тёплые подштаники, бельё мехом наружу, пуховое одеяло, тыквенные семечки. Тихонько открывает дверь и выходит из квартиры.

Мама (с биноклем в руках, кричит с балкона. Город просыпается): Покушать взял, сыночка?

Сын: Конечно! Поспите, еще рано! (быстро бежит под защиту деревьев).

Мама (кидает с балкона чебурек, он пролетает над головой сына. Осколками накрывает трёх прохожих): Сегодня прийди пораньше!

Сын (добираясь до безопасного места, облегчённо вздыхает, бормочет): Надо что-то делать со всем этим. Может, как-то пожёстче себя поставить, как советует Катенька? Хотя куда уж жёстче? Я вчера ей 3 раза возразил и один раз не согласился. Правлю домашними железной рукой. А эта фраза: «Не смейте рыться в моем портфеле!» Просто Цезарь! Видела бы меня Катенька в этот момент. Величественная поза, горящие глаза, жест, отмечающий сомнения... Но надо будет попозже с работы прийти. На всякий случай.

Гудок паровоза, занавес.

Профсоюз низкооплачиваемых и дурно воспитанных работников банковской сферы, ломбард «Гобсек и партнёры», Марк Цукерберг и Скрудждж Макдак представляют:

Сбербанк – банк, который всегда рядом

(интермедия с непредсказуемым сюжетом)

Действующие лица:

Сотрудница банка (на груди у нее бэйджик, который перевернут вверх ногами. На бэйджике написано «Кристина»).

Клиентка Зоя Александровна (симпатичная женщина бальзаковского возраста с двумя сумками из «Ашана»).

Светлана Матвеевна и другие знаменитости в эпизодах.

Клиентка: Добрый день, Анитсирк. (Думает: «Понаехали! Язык сломаешь от имени»).

Сотрудница банка: Меня зовут Кристина! (поправляет бэйджик) Здравствуйте! Чем могу помочь?

Клиентка: Я хочу оформить пенсионную банковскую карточку, которой нельзя было бы расплачиваться в магазинах.

Сотрудница банка: Извините, но таких не бывает.

Клиентка: Тогда дайте две.

Сотрудница банка: Понятненько (вздыхает). Давайте разберёмся. Какие операции вы хотите проводить при помощи карточки?

Клиентка: Я хочу, чтобы на неё переводили пенсию. Точнее, не хочу, меня заставляет Пенсионный фонд. Они звонили с угрозами. Но я им ещё покажу! Напридумывали хрень всякую! Но чтобы ничего с карточкой сделать было нельзя! А если можно, то только мне. Но я не собираюсь, я верю только в наличные.

Сотрудница банка: Скажите, у вас есть счёт в нашем банке?

Клиентка (подозрительно смотрит): А зачем вам?

Сотрудница банка: Если у вас есть счёт, мы можем привязать к нему карточку.

Клиентка: Не надо никого ни к кому привязывать, мы не в ночном клубе. Дайте мне карточку, иначе я стану для вас последним клиентом (с сожалением вспоминает, что пистолет-пулемёт лежит на дне одной из сумок, под скумбрией).

Сотрудница банка: Вообще карточки оформляются две недели. Заполните, пожалуйста, эту заявку.

Клиентка (разрывает заявку на конфетти и втаптывает обрывки в пол).

Сотрудница банка: Я так поняла, что вам нужно всё сделать быстрее?

Клиентка (срывает пластиковый бэйджик, разрывает его на конфетти и втаптывает в пол).

Сотрудница банка: Я буду жа...

... В банк внезапно врывается женщина с нагайкой на поясе, размахивающая какой-то бумагой из префектуры. Завидев знакомое лицо и знакомый предмет, все сотрудники разбегаются. Охранники падают у сломанной двери и притворяются мёртвыми. Старший менеджер прыгает в сейф и поворачивает ключ изнутри. Женщина замечает Клиентку:

– Добрый день, необычайная Зоя Александровна! Сколько лет, сколько зим!

– Здравствуйте, дорогая Светлана Матвеевна! Какими судьбами?

– Да вправить тут мозги кое-кому. До префектуры пришлось дойти, защищая свое конституционное право на банковскую карточку индивидуального дизайна.

– А вы бы попросили младшую дочь помочь! Кажется, она имеет влияние в области регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Пришел бы завтра сюда персонал банка, а земля под ним уже принадлежит совхозу «Красный свиновод».

– Да ладно, отвлекать ещё мою умницу на всякую шушеру! Сама разберусь.

– Не только умницу, но и красавицу! Я тут недавно случайно наткнулась на фотографии наших детей с выпускного. Как же хороша ваша младшая!

– Это что! Если бы вы её сейчас увидели, домашний адрес бы забыли. А как ваш поживает?

– Весь в трудах, заботах, но на дачу не ездит, безобразник. По казённой линии пошел, скоро полковником будет.

– Чин весомый. Молодец.

– Весомый чин – водитель эвакуатора. Молодец против овец, а против молодца – сам овца. Всё в делах, нет, чтобы приехать помочь репу собрать и сидр из укропа сделать.

(Далеко от места событий, в центре Москвы, неожиданная икалка нападает на человека, штурмующего с лопатой для снега пирамиду деловых бумаг).

– Вы, я вижу, по-прежнему увлекаетесь фольклором? Припоминаю вашу монографию, совместную с профессором Гребенкиным Вторым: «К вопросу о влиянии качества самогона на морфологию народных пословиц».

– Да, одна из ранних работ. Написана по итогам полигонных испытаний. Но что же мы стоим? Может, зайдём ко мне, чаю попьем с колбасой и поболтаем?

– Да, вы ведь живёте совсем рядом! И дом у вас необычный. Каждый год, 16 сентября, над ним появляется северное сияние. Какой-то оптический эффект, наверное.

(Откуда-то снизу протягивается дрожащая рука старшего менеджера. В руке – платиновая банковская карточка со стразами Сваровски и автографами Германа Грефа и Христофора Колумба).

Клиентка: Ну, не прошло и получаса как сделали! (передаёт карточку собеседнице).

Старший менеджер пищит: «Спасибо, что выбрали наш банк! Приходите ещё! Всего доброго!»

Светлана Матвеевна: Живите пока. Так что там с Вашей карточкой, Зоя Александровна?

Старший менеджер (задыхаясь): Через 10 минут принесём на дом! Карточка будет одновременно бессрочным проездным на все виды транспорта и талоном техосмотра! Чем прикажете оформить идентификационный номер – бриллиантами или рубинами?

Зоя Александровна: Изумрудами. И какой-нибудь презент от банка. У вас же сейчас акция! Нигде не написано, но ведь она есть, правда? Что-нибудь попроще. Аквариум с барракудами, шубу из зебры... Подумайте, проявите инициативу. У вас 9 минут осталось. Или мы напьемся чаю и снова придём.

Старший менеджер, кланяясь, исчезает. Женщины выходят из банка, переступая через тела охранников.

Над прекраснейшим в мире районом Ясенево догорает закат. Осеннее солнце отражается в стёклах домов и далее повсюду. Отражается оно и на лопате для снега, которую везет в далёкой электричке человек с чёрным портфелем и айподом в ушах.

Помощник машиниста бросает кривые поленья в топку и электричка поворачивает в сторону Мытищ.

Человек с портфелем, лопатой и айподом выходит на остановке и смотрит в сторону Москвы, думая обо всём сразу, но по сути – об одном и том же.

Занавес.

Институт русского языка имени В.С. Черномырдина, Ганнибал Лектор, доктор медицинских наук Ю.Ё. Франкенштейн и Гомер Симпсон представляют:

Почта XXI века, или Убей себя об стену

(драма в одном действии)

Место действия: отделение Почты России, г. Москва, Никольская улица.

Время действия: прекрасный май, жаркий полдень.

Действующие лица: Клиент, Овца 1903-го года выпуска, Люся.

Клиент: Добрый день! Дайте, пожалуйста, бланк денежного перевода.

Овца (тупо смотрит в пространство).

Клиент (машет руками перед носом Овцы, светит ей фонариком в глаза, выразительные как пуговицы).

Овца (тупо смотрит в пространство).

Клиент (слегка нагреваясь): Ау! Мадам, Вы живы? На Украину перевод хотел бы я сделать. Денежный. Сегодня. Бланк. Дайте. По-хорошему.

Овца (тупо смотрит на Клиента).

Клиент (стучит раскалённой головой о прилавок. Складывает портфель в трубочку, прикладывает к уху Овцы и орёт): Бланк!!!! Мне!!!! Украина!!!! Перевод!!!! Деньги отсюда – туда!!!!

Овца: Добрый день! Чем могу помочь?

Клиент (обессиленно бормочет): Бланк... Дайте... Пожалуйста....

Овца: Бланки в этой коробочке. Внимательнее надо быть, молодой человек! (смотрит в пустую коробочку). Ой! Вот бланк, держите.

Клиент (заполняет бланк, вкладывает в копыта Овце).

Овца (тупо смотрит то в бланк, то на Клиента, как будто сверяя его лицо с несуществующей фотографией): Люся! А разве Луганская область на Украине?

Люся: По-моему, в Белоруссии. Или в Уругвае. Проверь по почтовому индексу стран Африки, код – ЁКАЛЭМЭНЭ.

Клиент (вкрадчиво): Точно на Украине, я там был. Много раз. Под мою ответственность.

Овца: А зачем Вы написали сумму прописью, если в бланке нужно писать сумму прописью?

Клиент (ищет в портфеле острый предмет. Находит металлическую ручку и нечаянно ломает её нервными пальцами).

Овца (читает бланк): Луганская область, посёлок Ивановка... Этот посёлок в Луганской области?

Клиент: Да. Область буквально окружает посёлок. Отправляйте – не ошибётесь.

Овца: А почему нет номера квартиры?

Клиент (наступив на свои уши ногами и притопывая): Потому что это частный дом!!!! Там нет квартир!!! Их нет!!!! Это частный дом в кукурузном поле!

Овца: Укажите доли собственников пропорционально занимаемой ими площади, без учёта иждивенцев.

Клиент (неразборчиво пишет матом).

Овца (начинает что-то набивать на странном устройстве, гибриде швейной машинки, утюга и пейджера. Скорость – один тык за четверть часа. Часы на Спасской башне бьют три пополудни).

Клиент (плаваясь и стараясь перекрыть гул собравшейся очереди): Твою.... !!! Так тебя и разэдак!!! Дохлая мумия!!!

Овца: Не нервничайте. Вы на Почте России. Мгновенно и качественно – наше кредо! (Внезапно поёт: «Пиисьма! Письма лично на почту ношу! Словно я роман с продолженьем пишу! Знаю, знаю точно, где мой адресат! В дооооооме, где резной палисааааад!» Люся встаёт, прижимает руку к сердцу и подпевает. Кто-то из очереди аккомпанирует на расстроенной арфе).

Клиент (пытается разбить голову о потолок).

Овца (закончив аплодировать сама себе): Давайте деньги. У Вас рубли? На Украину можете отправить в тенге или фрикадельках.

Клиент (роняет портфель, деньги, поднимает, поправляет сбившийся галстук, выпивает пузырёк пустырника, закусив набором открыток): Пожалуйста. Не чаял дожить до этого момента.

Овца: Не так быстро. Вас много, а я одна. Перепишите номера банкнот в книгу жалоб и предложений.

Клиент (переписывает, с наслаждением представляя, что ест овечий шашлык).

Овца: Ой! Квитанция не распечатывается!

Клиент: Не нужно, я верю Вам как нелегальному мигранту, пять раз отсидевшему за мошенничество.

Овца (задумчиво шевелит ушами, вывешивает табличку «Технический перерыв». Очередь, растянувшаяся до храма Василия Блаженного, каменеет как горный тролль с первыми лучами солнца).

Клиент (выходит из почтового отделения, видит 48 пропущенных звонков, набирает номер. Неземной красоты голос говорит «Привет, Андрюша!» и тут же становится холодным как поверхность звезды, погасшей за миллиард лет до динозавров. Клиент смотрит на часы и покрывается инеем. К нему на голову садятся снегири и начинают искать рябину в причёске.).

Занавес.

Времена прогресса (технологическая фантазия)

- Ариша тут снеголепы себе купила и в шкаф поставила.
- ? (недоумённо слушает).
- Какое именно слово вызывает затруднения? «Снеголепы»? «Шкаф»?
- Снеголепы.
- Вот, смотри фотки.
- ? (недоумённо смотрит).
- Сам дурак. Кругозор – как у пермской сосны.

Из диалога.

Первая четверть XXIII века, Мытищи. В столице Таджикистана вечер и усталый служащий возвращается домой.

Подходя к подъезду, он с пульта открывает дверь, потом достает другой пульт и вызывает лифт. Пиликает телерадиостереофонфон, это лифт прислал смску, что задерживается между третьим и четвёртым этажами, у кого-то заел пульт от детской коляски. Служащий набирает на приборной панели пароль и ступеньки превращаются в эскалатор, возносящий его на семьдесят восьмой этаж. Попутно эскалатор массирует стопы служащего и чистит ботинки.

Доехав, служащий жестом отпускает эскалатор и прислоняет голову к сенсорной двери. Дверь здоровается и спрашивает о самочувствии. Служащий задерживается было поговорить, но вспоминает, что давно не обновлял список фраз и анекдотов, поэтому ничего интересного дверь ему не скажет. Он проходит в прихожую, дверь обиженно закрывается.

В прихожей темно. Служащий говорит условную фразу, но лампочка не включается. Он повторяет фразу, лампочка отвечает, что абонент недоступен. Из дальней комнаты выбегает карликовая овчарка породы Пэрис Хилтон и лает в собачий микрофон, трясая стразами.

Пульта от собаки до сих пор не придумали, служащий от неожиданности всплескивает руками и от хлопка включаются плита, овощерезка и унитаз. Машет руками, пытаюсь найти гладилку для собаки, но находит только почёсывалку и блохособиралку.

Овощерезка закончила свою работу, но овчарчонка продолжает гавкать, включается подогрев поповой части стульев на кухне, из стены выезжает телевизор со встроенной плевательницей перед экраном, а также вибропуфик, телевизионный пульт предлагает начать работу, посудомоечная машина высунулась из шкафа, телевизор по умолчанию включает «Телемагазин на диване», унитаз связывается по скайпу с коллекторной станцией: сорвана поставка.

Поднимается бедлам, сравнимый только с недавней анархией, когда неаккредитованная муха залетела в квартиру. Вся бытовая техника зафиксировала движение и стала гоняться за ней, вхолостую щелкая, моя, подтирая, чистя, советуя и развлекаая.

В адском шуме и полумраке, плюясь (инфракрасная плевательница мечется под ногами, реагируя на плевки) и матерясь, служащий пытается дотянуться до рубильника, вмурованного в стену на случай очередного восстания машин. И промахивается раз за разом, ведь уже 200 лет представители среднего класса ничего не делали своими руками. Наконец вырубает ток, квартира погружается в темноту.

Служащий проходит в спальню и падает в одежде на диван. Закрывает глаза и вдруг вскакивает от такого звука, будто передвигают шкаф: «Бррхррррдддзззхррр!!!». Рядом на диване лежит американец-гастарбайтер, нанятый, чтобы храпеть. Модная фишка из «Телемагазина на диване» сейчас как-то не радует. Служащий мрачно смотрит на негра в тюбетейке, выключает его щелчком пальцев и подходит к иллюминатору.

За выпуклой сферой проплывает пейзаж и многоэтажка немного покачивается на воздушной подушке. Дом проезжает мимо лесопарка, с высоты совсем маленькими кажутся десятиметровые иероглифуквы перед входом в заповедник: «Староясеновское городище. Памятник архитектуры жидкокристаллической эпохи. Стоянка древних путинцев. Охраняется государством или типа того».

Служащий привычно разбирает мандаринский диалект русского языка, думая неустановленным образом. Приближается искусственный рассвет.

Закалённый электорат, или Маразматический автобус

(драма в одном действии)

Место действия: автобус, едущий из Хрюкино в более далёкую перть.

Действующие лица: баба Клавдия (нос картошкой, глазки редисками), баба Фрося (нос рубильничком, глазки цвета кафеля), Баба Ньюша (нос баклажанчиком, глазки бусинками), все остальные (пенсионный хор).

Декорации: кто был в Хрюкино, тот поймет.

Баба Клавдия: Ой, девочки! Что со мной приключилось сегодня!

Все: Ой! Ужас какой! А что?

Баба Клавдия: Да часа в три, то есть поздно уже, я ведь рано встаю, чтобы дачу не проспять, и вдруг – звонок!!!

Все: Ох!

Баба Фрося: В дверь?!

Баба Клавдия: Нет, в телефон. Звонит кто-то с незнакомого номера...

Все: Совсем незнакомого?

Баба Клавдия: Вообще ни одной цифры знакомой!

Все: Ну?!

Баба Клавдия: И говорит незнакомым голосом: «Я, мол, курьер, сейчас нахожусь в Новых Черёмушках, с какой стороны к вам подъехать?» Я ему, конечно: «Кто это? Что за курьер? Я ничего не заказывала!!!» А он тогда и говорит: «Извините, наверное, я не туда попал».

Все: Какое коварство! Есть же люди... Так и сказал – «извините»?

Баба Клавдия: Да, так и говорит: «Извините, бабушка, я не туда попал».

Баба Фрося: Это внук твой, что ли?

Баба Клавдия: Сама ты внук! Я же говорю, что незнакомый голос с незнакомого номера, курьер какой-то.

Баба Фрося: Подозрительно до крайности. Я бы с ума сошла.

Баба Клавдия: Ага. Вот я и думаю с утра: ОТКУДА У НЕГО МОЙ НОМЕР? Как мой номер к нему попал? И так нехорошо как-то, ведь у меня карточка пенсионная привязана к телефону... Вот я и еду сейчас в Сбербанк, все снять, пока не украли. Сами знаете, что сейчас творится повсюду.

Все: Ой, знаем, ой, знаем!

Баба Клавдия: Вот приду сейчас в Сбербанк, а мне скажут: вся ваша пенсия была снята ещё в три часа. Или дефолт начнётся.

Все: Это запросто, так и будет.

Баба Клавдия: Ой, не говорите, девочки. И ведь слышу по голосу, что гастарбайтер какой-то, рожа совершенно бандитская! Такому пенсию снять с телефона – как человека убить!

Баба Фрося: Слушай, что скажу. У меня племянник есть. Ну, ты его знаешь.

Баба Клавдия: Откуда?

Баба Фрося: Вот я и говорю, что знаешь. Так у племянника брат сестры жены недавно попал в такую же ситуацию. Вот точно такую же! Сестра евойная сбросила ему деньги на телефон через Сбербанк, племянник смотрит, а у жены нет ничего... Он сейчас же в Сбербанк, а там и знать ничего не знают, говорят: «Идите в Мегафон». Пошли они в Мегафон, а там говорят: «Раз вы через Сбербанк деньги посылали, туда и ходите, мы телефонная компания». Они говорят: «Да мы там были уже! И что за компания такая телефонная, если деньгами занимаетесь?» А им снова: «Еще раз сходите, знать ничего не знаем». Пошли они снова в Сбербанк, а потом в Мегафон, а потом, пока ходили туда-сюда, племянника с работы уволили за прогулы, а дом сгорел начисто.

Баба Клавдия: Это ещё что! Забыла сказать: когда этот бандит звонил, у меня ведь ещё руки были заняты. Я ведь на дачу ехала, тащила на себе тумбу с раковиной...

Баба Ньюша: А что это такое – «сраковина»?

Все: Унитаз, Ньюша!

Баба Клавдия: Да какой унитаз! Раковину, говорю, к себе несла, а то груши опять начнут падать на землю, а какая там земля после радиоактивного дождя, сами знаете! Пусть хоть в раковину падают, а перед дождем я её уберу.

Баба Фрося: До чего народ довели! А еще гуманитарную помощь в Сирию самолётами сбрасывают!

Все: Нам бы сбросили что-нибудь!

Баба Клавдия: Мне сбрасывать с самолёта не надо, дом поломают. И так один дом на весь район целый остался, все остальное перекопали.

Все: Весь город перекопали!

Баба Ньюша: Так ведь перекопали, чтобы народ из хрущёвок переселить!

Баба Клавдия: И что же вы думаете? У меня в районе стали из хрущёвок переселять, выкопали котлован под новый дом. А потом деньги украли и всех прямо в котлован и переселили, до сих пор так и живут в нём.

Все: Не может быть!

Баба Клавдия: Вот-те крест! Сама видела, как головы в касках над котлованом торчат! И чёрные все такие стали, даже не узнала никого. Я им говорю: «Здравствуйте, Бог в помощь!», а они мне: «Тыр-быр-дыр! Бырдамыр-табалдыр!»

Баба Ньюша: Одуреешь, конечно, в котловане живучи.

Баба Фрося: Как же деньги могли украсть у целого дома?

Баба Ньюша: Дык а зачем им такие джипы огромные? Чтобы всё влезало как раз. Вот туда позасовывали и ездят повсюду, не догонишь!

Все: Ох, ворьё одолело. Кроме Путина не на кого глаз положить! Ох, Путин-батюшка!

Баба Клавдия: Фрося, а если племяннику твоему Путину написать? Про то, как Сбербанк с Мегафоном у него деньги отобрали и взашей вытолкали?

Баба Фрося: Писал уже, не отвечает. Не долетело, видно, письмо до Путина-солнышка! Он, он только наш кормилец, пенсии увеличивает каждый год на четыре рубля. Как год – так четыре рубля.

Все: А цены?

Баба Фрося: А цены не Путин устанавливает! Цены чиновники устанавливают, чтобы на джипах своих ездить и в телевизоре сидеть за границей. А Путин нам пенсию даёт. И каждый год больше – на четыре рубля. Хоть и копеечка, а где её взять? Поди – возьми! Поди, поди! Поди, старая!

Баба Ньюша: Не пойду!

Баба Фрося: Нет, ты поди!

Баба Ньюша: Не пойду никуда!

Баба Фрося: Поди, тебе говорят!

Все: Да не ходите вы никуда, приехали!

Автобус останавливается. Занавес.

Автобус над бездной (блокбастер-эпопея)

Место действия: автобус, отъезжающий из исторического центра города Хрюкино. Завершается штурм автобуса. Толпа, избавляясь от раненых, слабых и неместных, влазит в автобус и размещается.

Автобус охает и отправляется.

Вокруг – неопиcуемый пейзаж. Рядом с памятником Ленину возвышается скульптурная группа «Гастарбайтеры убивают работодателя». Вереницы ларьков с шаурмой и чебуреками сливаются в непрерывную надпись «Шаурбеки». Вдали колышутся борщевники размером с пальму. Повсюду следы имперского величия и морального запустения.

Действующие лица: Водитель, народные массы (баба Клавдия Клавдиевна, баба Фрося Протопоповна, тётя Феодосия, дед Петя, прочие автобусяне и автобусянки). В транспортном средстве – несмолкаемый шум.

Клавдия Клавдиевна: ... И вот, захожу я в собес, а там новый какой-то сидит в очках. Я ему: мне бы пенсию получить, а оно вдруг:

– Что такое «пенсия»?

Я чуть в пролёт лестницы не выпала. Хорошо, что первый этаж. Объясняю этому жуку колорадскому: так мол и так, я сорок лет на оборонном заводе проработала, ручки к кастрюлям приделывала. Попробуй, упырь, взять кастрюлю с горячим борщом без ручек! Нет, ты попробуй! Да ещё хитро нужно приделывать: чтобы в одном месте сбоку нажать – они и отвалились. Сразу получается готовая каска, завод ведь оборонный. А с ручками какие

каска? Враг ведь хватать за них будет! И красная краска в горошек была только для виду, под ней все кастрюли были защитного цвета.

Дед Петя: Ты тайны-то государственные не выбалтывай, старая!

Клавдия Клавдиевна: Да я что. Работала, в общем. Как все. И начальник такой строгий был, Геннадий Геннадьевич Долбоёбов, видный такой мужчина. Плановик от Бога. Очень следил за порядком, ручки у каждой кастрюли по два раза пересчитывал.

В общем, объяснила я всё этому еноту из собеса, а он и говорит:

– Постойте, значит, вы уже не работаете?

– Не работаю вот уже третий год.

– Но хотите получить деньги?

– Да, кровно заработанные.

– То есть вы не работаете, а деньги хотите получить?

– Так ведь я сорок лет отработала.

– Но деньги ведь тогда и получили.

– А сейчас что мне делать прикажешь, умник?

– На работу устройтесь.

– Как?!

– Поставьте цель и добивайтесь её. Верьте, что ваши мечты осуществляются. Возраст – не предел для амбиций. Постройте карьеру с нуля. Сделайте себя собой своей мечты. Станьте, этой, как его, сэлфмэйд вумэн. Язык сломаешь.

Тут я уже и не нашлась, что сказать. Хорошо, начальник этого упыря подошёл, послушал с полчаса, да и выдал пенсию. Извинился даже. Это, говорит, наш молодой специалист с экономическим образованием. Перспективный, в Гарварде отучился, а на стажировку в собес прислали. Не привык ещё к нашим реалиям, теоретические знания крепкие, но практики маловато.

Водитель: Бебекино. Следующая остановка – Мемекино.

Впереди начинается ремонт дороги. Автобус останавливается (на его крышу падают жёлтые листья).

Тётя Феодосия: Молодёжь эта... Последний стакан воды не подаст или отберёт.

Все (одновременно):

– Это ужас, а не молодёжь. Тоже ехал один сегодня с тряпкой на голове, наушники свои включил, я аж присела.

– Скамейку опрокинули и скакали на ней, как на козле!

– Задницу на подъезде нарисовали!

– Так фырчат мопедами своими по ночам, что обои отклеиваются!

– Картошку вытоптали копытами! А окучить не заставишь!

– Здороваются раз в году!

Водитель: Тише, гражданки! Новости дайте послушать! (прибавляет громкость на портативном телевизоре).

Население автобуса внимательно слушает новости:

– Государственная Дума рассмотрит сегодня законопроект о канонизации фракции «Единая Россия». Напомню, что ранее к лику блаженных были причислены руководитель фракции и его заместитель...

– ...президент США Дональд Трамп появился на пресс-конференции с расстёгнутой ширинкой, из которой выглядывала коричневая рубашка. Эксперты уже увидели в этом угрозу обострения американо-корейских отношений... В пятнадцати городах США объявлен коричневый уровень опасности, жители Западного побережья, простите, побережья, готовы к эвакуации. Агентство «Блумберг, тёща и сыновья» понизило рейтинг инвестиционной привлекательности Северной Кореи...

Автобус трогается.

Телевизор: Сенсация в Южной Америке. Жители Парагвая были разбужены шумом и подземными толчками. Оказалось, что из-под земли появился фундамент какого-то огромного здания (телевизор показывает картинку: из-под земли выпирает конструкция, похожая на дом вверх ногами. Торчат обрывки труб и прочие коммуникации).

Клавдия Клавдиевна (внимательно всматривается, потом объявляет):
Это моя соседка сделала!

Все поражённо оборачиваются.

Дед Петя: Ты, мать, не выпалась, что ли? Вид уставший.

Клавдия Клавдиевна: Щас у тебя уставший будет! Слушайте, как дело было. Не спалось мне как-то ночью, и собака ещё так выла под окнами... Вышла я на балкон, смотрю – а это не собака, а соседка по телефону разговаривает...

Тётя Феодосия: И я что-то спать стала плохо. Особенно на работе.

Клавдия Клавдиевна: Да не перебивай! Соседка у меня не простая, а ведьма. Вещунья. Очень серьёзная женщина. Курс рубля определяет по облакам. Может порчу наслать эсэмэской. Над деревьями летает, сама видела. С ней лучше не связываться, а они связались.

Все: Кто – они?

Клавдия Клавдиевна: Коммерсанты. Начали новый «Ашан» строить, прям рядом с ведьминым домом, вплотную. Подписи собрали у всех жильцов, что только так и нужно, а потом и к ней подкатились, как старосте. Она их делегацию раз с лестницы спустила, другой – не унимаются. Самый главный даже к ней приходил с кульком конфет. Скидку обещал сделать при покупке унитаза с торшером. А она ни в какую. Запрещаю, говорит, строительство! Только попробуйте, говорит!

Ну, они и попробовали. За день построили, да так близко к дому, что соседка не может ни окно открыть, ни мусор на улицу выбросить. Руками в стену упирается, не размахнуться.

В общем, довели бабушку, она как вышла, да и говорит: Чтоб вы провалились к чертям собачьим со своим магазином!

Бамс – и не стало магазина! И травой все заросло, будто и не было ничего. А провалился он – куда?

Все: Куда?

Клавдия Клавдиевна: В Южную Америку и провалился, сегодня в новостях показывали.

Тётя Феодосия: Не может быть!

Клавдия Клавдиевна: Ты умом подумай, если не дура. За моим домом что стоит?

Тётя Феодосия: Соседний дом.

Клавдия Клавдиевна: А за ним?

Тётя Феодосия: Котлован какой-то, за всем разве уследишь?

Клавдия Клавдиевна: В голове у тебя котлован! Там «Ашан» вчера стоял, новый совсем.

Все (задумываются).

Телевизор: А теперь – к местным новостям. Между населёнными пунктами Хрюково и Страусятина запущено 100 процентов автобусов...

Все:

– Врёшь ты всё! А еще диктор на радио! Какие сто процентов?! Один ведь у нас автобус ходит! Один на всех, мы за ценой не постоим! С ночи записываться нужно, чтобы стоять потом, как бараны, а те, кто помоложе, сидеть будут!

Дед Петя (глубокомысленно): А ведь правду сказали, не подкопаешься. Все автобусы запустили в количестве одного. Наверное, всю статистику с экономикой евреи придумали.

Все (хотят говорить, но Водитель машет руками, отвернувшись от дороги).

Телевизор:

– Компанией «Хрюкинские диваны» налажен выпуск ортопедических матрасов из борщевика. В связи с отсутствием внутреннего спроса на продукцию компании председатель совета директоров вылетел в Женеву для её продвижения на мировые рынки...

– Хрюкинский суд второй инстанции заочно конфисковал имущество бывшего мэра города Асмодея Прохвостова. Сам мэр, находящийся сейчас на отдыхе в Монте-Карло, объявлен в международный розыск...

Дед Петя: Слышали? Мэр-то наш, Асмодей Ильич! Жуликом оказался. Кто бы мог подумать? Все за него голосовали, ведь его по первому каналу показывали. Как могут жулика показывать по первому каналу? И ведь фамилия русская, не Шаурма какая-нибудь. Сам Малахов ему руку пожимал. В общем, обманули народ.

Неизвестный автобусянин: А за что разыскивают?

Дед Петя: За то самое. Восемь раз продал одну новостройку. И хотел ещё в девятый, но прокуратура вмешалась, не по закону, говорят. Типа, только чётное число раз можно продавать. Арестовали руководителя нашего, сначала держали под домашним арестом, на евойной вилле в Хрюкино-лакшери, прямо в оранжерее, а потом под залог отпустили. За незначительностью содеянного. Сказано где-то в Конституции или в Библии, что у нас рыночная экономика, так что продавай всем что хочешь. Мэр не виноват, что покупателей так много было. В общем, оправдался он, но исчез на всякий случай. Ищи его сейчас, как головастика в колодце.

Фрося Протопоповна: Всё зло от денег. От них мозги плавятся и никакого понятия не становится. Вот у меня тоже сосед есть. Богатый – страсть, гаишником был. До сержанта дослужился и в отставку вышел, отдыхает, скотина, на генеральской-то пенсии.

Все: На генеральской-то пенсии чего не пожить!

Фрося Протопоповна: Вот и я ему так говорила, пока он забор вокруг меня не построил. Так вот, устроился сосед припеваючи, пляски и девки каждый день, да шашлыки с банями. А мне что за радость? Изнемогла уже от такого соседства. Так он, упырь, до чего ещё додумался? Домашнего бегемота себе завёл. Всю капусту съел вместе с навозом и рубероидом.

Клавдия Клавдиевна: Сосед?

Фрося Протопоповна: Сама ты сосед! Бегемот! Свинья эта африканская!

Незнакомая автобуса́нка: Неужели настоящий?

Фрося Протопоповна: Нет, блин, самодельный! Слушай, как дело было. Сажу я как-то ночью в крыжовнике и кроссворд разгадываю.

Тётя Феодосия: Разгадала?

Фрося Протопоповна: Нет, темно было. Да я не об этом, не сбивай! О чём я? Так вот, сажу я и вдруг – чу!!! Слышу: шум какой-то приближается. Кто бы это мог ехать? Прислушиваюсь: едет машина какая-то незнакомая, тяжёлая, как кирпичом набита. Останавливается прямо напротив дырки в заборе. Гляжу – а это эвакуатор.

Я сразу спохватилась, в траву спряталась, выглядываю и думаю: зачем здесь эвакуатор? Неужто уже до велосипедов добрались? У меня ведь во дворе хороший немецкий велосипед стоит, который покойный дед с Первой мировой привёз.

Водитель: Мемекино. Переход на платформу «Долбодятел». Следующая остановка – «Свинохранилище».

Автобус трогается, но снова останавливается. Впереди продолжается ремонт дороги. Ломается бетономешалка, рабочие начинают вращать её руками. Некоторых засасывает внутрь, матерные возгласы усиливаются.

Клавдия Клавдиевна: Пусть ко мне сунутся с эвакуатором! Пусть только сунутся! Дед мой давно уже все проходы заминировал, ещё когда Хрущёва сняли. Как увидел лицо Брежнева в телевизоре, так и заминировал. И странно так... Раньше гостей много было, внуки с племянниками и крестниками, а потом – как отрубило, одни стали сидеть. Звонят изредка, приедем-приедем, да не едет никто.

Фрося Протопоповна: Да не перебивай, про деда своего Брежнева потом расскажешь! Так вот, приглядываюсь я, а темень ведь, все фонари давно вороны выклевали. И вижу, как сверху на платформе стоит что-то, большое под покрывалом, да ещё изолентой замотанное. Я, натурально, успокои-

лась, думаю: это не за велосипедом. Это, никак, соседу моему неимущему машину очередную привезли. «Херари» какую-нибудь из Германии. Выползаю потихоньку, чтобы номер переписать на всякий случай, а там...

Водитель: Что?

Фрося Протопоповна: Как покрывало сдёрнули... Батюшки! Бегемота привезли на эвакуаторе! Оно слезло и так рывкнуло, что все деревенские собаки на яблони позалезали. А у кого-то смородина осыпалась или водка скисла. Не к добру, в общем. И с тех пор началось... Каждую ночь оно топает, словно сваи вбивает, жрёт что-то и чавкает на всю деревню.

А утром однажды, чуть свет, гляжу: забор раздвигается. Бегемот ест соседский газон, но это полбеды, так ведь забор ломает и кормой своей толстой уже на моём участке! А у меня там флоксы посажены! Я как увидела, сразу бросилась на него: «Ах ты, рыла косожабая! Брысь отсюда!». И хворостиной его, хворостиной, а оно как повернёт ко мне башку, а башка у него – как мой сарай! Пасть разинул – как лифт открылся! Я – дёру от него, прыгнула в погреб и вилы наружу выставила. Так и простояла три дня по пояс в картошке, пока чудище не утопало.

Все: Ну, ничего... Бывает. Ельцина пережили и бегемота переживём. Главное, чтобы не было войны.

Дед Петя: А будет, девочки!

Все: С кем?

Дед Петя: С Америкой.

Тётя Феодосия: Зачем нам она? Плыть, говорят, до неё три дня. Из-за санкций и так всё своё есть.

Дед Петя: Да Трамп там вынашивает...

Все: Что?

Дед Петя: Да тревожно как-то всё в геополитике. Встречались тут недавно Трамп с нашим Путиным. Сначала, само собой, по пиву. Потом повторили, а потом не пошло у них что-то. Вроде Трамп захотел Крым присоеди-

нить обратно. Или купить задёшево вместе с электоратом, там-то его народ не поддерживает.

Но Путин наш – парень не промах, говорит ему: ты хоть и Трамп, а дурак. Крым – наш. Не веришь – иди фильм посмотри. Или хоть рекламу какую. Ты мне ещё Аляску должен.

А Трамп видит, что в лоб не возьмёшь, хитро так посмотрел на него и эдак умно ему отвечает:... дую, понимаешь ли, спик инглиш еврибади? Хау ду ю ду?

А что Путин на это ответил – я не знаю, меня там не было.

Водитель: «Свинохранилище». Следующая остановка – совхоз «Красные облака».

Продолжается ремонт дороги. Рабочие аккуратно укладывают асфальт в глубокий снег.

Клавдия Клавдиевна: Не знаю, это политика всё. Нужно моему зятю позвонить. Он у меня военный. Голова из первосортной древесины. Как он скажет – так тому и быть. Ракетчик. В железнодорожных войсках служит, помощником локомотива.

Фрося Протопопова: Вредят, вредят американцы. Мне недавно счёт прислали за горячую воду на три тыщи! А у меня ведь только колодец, водопровода нет. И звонят потом: у вас, мол, задолженность. Платите или все приборы в доме поотключаем. Ладно бы по телефону звонили, я бы не брала, так в дверь звонят! Эти... Коллекционеры.

Тётя Феодосия: Коллекторы.

Фрося Протопопова: Тебе виднее, ты «Правду» выписываешь, грамотная потому что.

Тётя Феодосия: Перестала уже выписывать, газету купил кто-то и переименовал в «Правдивые сиськи». Срамота одна осталась. А жаль, хорошая газета была. Я её мелко-мелко резала и в грядки втаптывала, так ни один сорняк не мог вырасти. Но ты-то что с горячей водой решила?

Фрося Протопоповна: Ну что. Не стала я молчать, как дура. Патриарху написала.

Все: Ответил???

Фрося Протопоповна: Да. Благословил строительство второго колодца. Для горячей воды.

Водитель: Совхоз «Красные облака». Следующая остановка – деревня Великие Сморчки... Ничего, что долго стояли, сейчас срежем.

Автобус съезжает с дороги и срезает через водохранилище, быстро несясь по льду. Внезапно льдина откалывается, автобус начинает дрейфовать на ней. Становится тихо. Водитель засыпает.

Тётя Феодосия: Вот всё-таки могут у нас делать автобусы! Совсем не качает, ход такой плавный! Как на корабле плывём. И быстро как!

Автобус приближается к незамерзающему Мытищинскому водопаду.

В рёве и грохоте воды исчезают обрывки разговоров.

Автобус падает.

Или взлетает... Прочь от всех мелких и политических проблем.

Занавес.

Дом отдыха «Лепрозорий», оздоровительный комплекс «Последний приют» и Геннадий Малахов представляют:

День здоровья, или Предсказуемая задница

(мультфильм ужасов)

Место действия: ведомственная поликлиника, диспансерное отделение. На переднем плане – развалины здания в стиле «Брежневский ампи́р», над входом надпись на латыни: «Оставь надежду всяк». За развалинами – лестница, уходящая в пропасть, над которой кружатся птеродактили. Шкуры птеродактилей блестят от радиоактивного дождя.

Действующие лица: Пациент, Демон регистратуры, Старуха с косой, Психиатр, Философ, разнообразная массовка.

Пациент (спускается по лестнице в пропасть), бормочет: Каждый год одно и то же. Как бы хорошо было пройти диспансеризацию на какой-нибудь свиноферме... Любые деньги отдал бы, чтобы сюда не приходить. Жаль, что коррупция в медицинской среде давно побеждена...

(Оказывается на дне пропасти, продирается сквозь заросли борщевика, размахивает руками перед собой, отгоняя зловонные испарения. Подходит к окошку. Над окошком – репродукция картины И. Репина «Врачи общей практики пишут письмо патологоанатому». Створки окошка открываются, высовывается харя Демона регистратуры).

Пациент: Добрый день.

Демон регистратуры (ласково): Чё? (в голосе Демона – рёв заводящегося трактора, скрежет бензопилы об рельс и звон ведра, упавшего в пустой колодец).

Пациент (поднимаясь с пола, бормоча: «Никак не привыкну. Господи, где они только сотрудников набирают... Ведь это, право, невозможно»): Видите ли, я хотел бы начать диспансеризацию.

Демон регистратуры (хватает правой лапой кипу бумаг и бросает в Пациента): Заполняй! В графе «Фамилия, имя, отчество» пиши номер амбулаторной карты, в графе «Номер амбулаторной карты» – год рождения, в графе «Дата рождения» – должность и звание супруги, в графе «Дата приёма» – ещё раз номер амбулаторной карты, в графе «Номер санитарного билета» – знак Зодиака. Перепутаешь – убью!

Пациент (старательно заполняет бланки, просовывает их обратно под решетку): Извините, я ещё хотел бы узнать свою группу крови. Возможно ли поставить какую-нибудь отметку в бланке?

Демон регистратуры (выпрыгивает из-за решетки, кусает Пациента за руку, облизывает клыки и причавкивает): Вторая положительная. Ставить

отметку или так запомнишь? Последовательность прохождения врачей такая: сначала психиатр, потом педиатр, перед стоматологом – логопед, к неврологу – натошак, на флюорографию принести свои свинцовые пластины (одноразовые), после эпидемиолога, но перед гомеопатом-протезистом...

Из стены выходит Старуха с косой (на груди у нее бэйджик – «Зам. зав. по воспитательной работе»).

Демон регистратуры шаркает и кланяется: Наше почтение, Зинаида Вельзевуловна! Как Ваш чебуречный бизнес?

Старуха с косой: Сырья не хватает! Я что, зря открылась напротив поликлиники? Сколько у тебя по плану летальных исходов? А на самом деле сколько? Куда смотришь, каракатица облезлая?!

(Приглядывается к Пациенту): И этот слишком костлявый. Чебуреков сорок, не больше. (Замахивается косой на Демона регистратуры, тот с визгом убегает). Издалека доносится его рычание: «Куда вас прёт всех? У кабинета лоботомиста никого, а здесь опять толпа! Вот я вас сейчас!» (раздаются вопли ужаса).

Пациент берет исписанные бумаги, находит талончик к психиатру и проходит по коридору. Останавливается у двери с табличкой «Психиатр. Извилинов Зигмунд-оглы Карлович. К.м.н.».

Пациент (оглядывается и тихонько скребётся в дверь. С другой стороны в неё бросают стул. Пациент, переждав грохот, осторожно заходит).

На стене кабинета – фотография Гиппократ, перед которой горит небольшой костёр из рентгеновских снимков.

На столе – творческий беспорядок, раскрыто множество книг с закладками. Видны названия книг: «Медицина для чайников», «Как стать врачом за 3 дня», «Вскрытие как средство профилактики ОРВИ», «Методологические основы трепанации черепа в домашних условиях», Орфографический словарь монгольского языка, бестселлеры Дэйла Карнеги «Как убедить людей в том, что Вы не дебил?», «Как заставить людей поверить в то, что они деби-

лы?», «Дебил ли Вы? Ключ к самопознанию», «Как управлять людьми, будучи неуправляемым дебилем?».

Психиатр сидит в костюме Черного Плаща и подбирает мелодию из рекламы чипсов на струнах теннисной ракетки.

Пациент: Добрый день!

Психиатр: Откуда Вы знаете?

Пациент: Э... Какая у Вас хорошая библиотека.

Психиатр: Пытаетесь отвлечь меня от своих патологий? Отвечайте на мои вопросы. Головой бьётесь регулярно?

Пациент: Нет. То есть...

Психиатр: Значит, время от времени. Так и запишем (берет монгольский словарь, переписывает оттуда каракули в амбулаторную карту). Кошмары не снятся? Как часто снится, что Вы бьётесь головой?

Пациент: Не снится.

Психиатр: А что снится, когда Вы спите?

Пациент: Ну, дома, лес. Поле, облака.

Психиатр: Поле с комбайнами?

Пациент: Э-э-э... Нет.

Психиатр (записывает: «Противопоставление себя коллективу. Боязнь замкнутого пространства – лифтус не ездимус. Комбайнофобия»). Внимательно смотрит на Пациента, подмигивая обоими глазами): Понятненько. А кто Вы по китайскому гороскопу?

Пациент: Лошадь.

Психиатр: Лошадь или все-таки Конь?

Пациент: По гороскопу – Лошадь, а так, конечно, Конь.

Психиатр (записывает: «Раздвоение личности. Начальная стадия зоофилии»): Гм. А вот когда Вам снятся комбайны, Вы убегаете от них или участвуете в сборе урожая?

Пациент: Но мне не снятся комбайны!

Психиатр (записывает: «Амнезия в сочетании с попытками выдать желаемое за действительное»). Гм. Вы курите?

Пациент: Да.

Психиатр: Как же Вы можете курить, если Вы – Лошадь? Удобно сигарету держать копытом?

Пациент: Неудобно.

Психиатр (записывает: «Выраженный гедонизм на почве плоскостопия»). Достает из-за пазухи газетный сверток. Разворачивает, там – окаменевшая вобла): Угощайтесь!

Пациент: Спасибо, я пас.

Психиатр (записывает: «Мания величия, рыбофобия, игромания»): Вы свободны. Пока что. Вот Ваша карта. Не забывайте чистить уши перед едой.

Пациент: Спасибо, всего доброго. (Выходит из кабинета, пошатываясь. Открывает амбулаторную карту, переворачивает страницы, исписанные монгольскими каракулями, читает резюме: «Годен к военной службе в мирное время, опасен в быту». Шевеля губами, ползёт по коридору).

В коридоре сгущаются сумерки, пролетают первые летучие мыши. Над дверями кабинетов горят фонари с надписью «НЕ ВХОДИТЬ ПРИ ВЫКЛЮЧЕННОМ СВЕТЕ!!! ВКЛЮВЫКЛ!!!». Перед каждым кабинетом – толпа, жадно читающая надпись и слушающая толкования дервишей.

У одного из кабинетов седобородый Философ в окружении учеников. Звучат слова откровения: «Тяготы бытия условны и преходящи. Мир – внутри, а не вокруг нас. Вот уже месяц я сижу перед кабинетом логопеда и смотрю на голую стену. Сначала я страдал, но через две недели постиг, в чем избавление. Сейчас я смотрю на стену и думаю, что это пол. А если это пол, то, значит, я умею летать. А когда летишь, время проходит незаметно. Орёл не замечает течения времени».

У следующего кабинета сидит потасканный человек с градусником. Он спрашивает у всех проходящих: «Подскажите, пожалуйста, мне терапевт в

прошлом ноябре поставила градусник и ушла пить чай. Могу я его наконец вытащить?»

Хирург идёт с кувалдой («На перевязку» – поясняет он любопытным). Какой-то нищий целует поданный ему талончик. Толпа линчует вошедшего без очереди. У кабинета стоматолога вольноотпущенники разгружают слесарные инструменты. В кабинет физиотерапии проносят новую жаровню.

Пациент вздыхает, будучи не в силах предложить себя на осмотр другим специалистам. Начинает карабкаться вверх по ступенькам. На них – ругательства на всех языках мира, полустёршиеся от времени. На переднем плане – иероглиф из двух символов: «Козёл, гордо стоящий на куче навоза» и «Унитаз Вселенной».

На верху лестницы – раскалённый докрасна чугунный люк, покрытый голографическими надписями. Пациент, скрипя зубами, упирается в него предплечьями и толкает вверх. Люк медленно открывается, Пациент выползает наружу. На его предплечьях остаётся клеймо с датами анализов. Проход в подземелье закрывается и на глазах зарастает майской травой.

Сергей Эйзенштейн, сеть отелей «Бонч-Бруевич Кемпински», Мытищинский ликеро-бормотушечный завод имени 50-летия Красного мартабря, благотворительный фонд «Щас вдарю», гастрономический брэнд «Злая плесень» и телеканал «ТВЦ» представляют:

Грозовой май или Предсказуемая задница-2

(записки очевидца)

Окидывая взглядом эпохальные события, свидетелем которых я оказался, мне думается, что человеческая история похожа на неустойчивую геометрическую фигуру. Скажем, на треугольник, воткнутый остриём в Землю (или в слона, на котором держится Земля, или в кита, на котором стоит слон – сложно сказать, я историк, а не зоолог). Ничтожное, казалось бы, событие

опрокидывает этот треугольник и под его обломками гибнут цивилизации, чтобы на их руинах вновь возникла неустойчивая фигура.

О философия, мачеха всех наук! Но я отвлёкся. Обращусь же к строгому языку фактов.

К маю 2014 года на поликлиническом фронте сложилась критическая ситуация. Низы больше реально не могли, верхи по-прежнему не подозревали о существовании низов. Огромные толпы бродили от кабинета к кабинету в поисках талонов и результатов анализов. Первых остро не хватало, вторых было слишком много. Агитбригады партии симулянтов-радикалов разжигали гнев масс рассказами об оргиях маммолога Распутина, вампирах в лаборатории и бедственном положении семей военных, ушедших на диспансеризацию.

Достаточно было лишь искры, чтобы нарушить стабильность, обеспеченную стеклянными укреплениями регистратур и мышцами медсестёр.

Этой искрой стало отключение табло перед лабораторией, принимавшей кровь и бензин от пациентов. Табло не выдержало давления устремлённых на него тысяч горящих глаз. Оно показало номер 1564738291248362375, счастливый обладатель талончика устремился в неизвестное, но сразу после этого табло погасло...

Обезумевшие от неопределённости пациенты стали громить витрины и сооружать баррикады, опрокидывая мягкую мебель, подпрыгивая и отрывая куски навесного потолка.

Немедленно были разграблены склады поликлиники, на которых к концу диспансерной кампании скопилось около миллиона вёдер медицинского спирта. Их, конечно, не хватило... Начался штурм всех без исключения кабинетов.

Между тем из толпы выдвигались лидеры, харизматичные и беспощадные, способные повести за собой даже лежачих. Один из них, Лев Дроцкий, буквально за несколько часов вооружил массы и ожидал только сигнала к штурму третьего этажа, на котором были сосредоточены все коммуникации и

войска противника. Руководитель восстания, В.И. Ленин выжидал благоприятного момента.

Примерно в полночь третий этаж покинул батальон фельдшерниц. На землю сперва были выброшены самые толстые медсёстры, а затем остальной личный состав прыгнул на их тела.

Но даже в этой ситуации оставалась ещё возможность компромисса. Счёт шёл на минуты, укрывшийся за дверями медперсонал ещё надеялся на почётную капитуляцию, как вдруг... Одна из медсестёр в поднявшейся суматохе столкнула локтем со стола пробирку с анализом. Так пролилась первая кровь... Толпа, почуяв её запах, стала неуправляемой. Товарищ Дроцкий, провозгласив знаменитый лозунг «Ни анализов, ни флюоро... флюоро... флюографии!», покинул диспансерное отделение.

Трезво оценив ситуацию, бежала главврач Керенская, переодевшись в мужское платье. Заместитель главврача Теодор Скотский, настигнутый восставшими, успел покончить с собой, проглотив моток пластыря.

Получив последние сводки с фронтов, отрёкся от генеральского кресла начальник Военно-медицинского управления. Он передал власть своему первому заму, но тот отказался её принять, сославшись на приступ чумы. Так на фоне массовых беспорядков возник конституционный кризис. Его разрешить мог бы начальник Комендантского управления, один из образованнейших людей своего времени, закончивший школу почти без троек, но он... Не решился отдать приказ стрелять в толпу.

Как точно заметил один из участников событий, прошедший впоследствии путь от грузина-секретарши до отца народов, «Власть лежала в коридоре». И она была поднята.

Сигналом к штурму третьего этажа стал грохот от падения стеклянной баночки с анализом мочи. История соткана из случайностей. Ведь все пациенты были предупреждены под страхом смерти, что анализы нужно сдавать в пластиковых баночках. Но кто-то принёс в стеклянной... А если бы не принёс? Но история не терпит сослагательного наклонения. Кстати, распростра-

нена версия, что это была провокация, организованная немецким шпионом. Но как он проник в ведомственную поликлинику? Бесконечно замысловата и загадочна ткань истории...

Штурм третьего этажа был мгновенным. Не успел наступить рассвет, как матрос Киркоров-Овсеенко уже арестовал вахтершу, вооружённую шваброй, и практиканта, настолько увлечённого игрой на телефоне, что революция прошла мимо него (это не помешало ему в эмиграции написать подробные воспоминания о штурме). Остатки белых спешно бежали, унося под одеждой наиболее дорогие оправы очков и редкие лекарства.

Ликующие толпы во главе с революционным поэтом-песенником Михайловым (партийная кличка – Стас) запели попури из гимнов «Это есть наш последний и решительный врач», «Взвейтесь, амбулаторные карты!», «Мы рождены, чтоб подтвердить диагноз».

Революция завершилась. Над зданием Зимнего корпуса был водружён символ революции – работающий томограф. На него взобрался В.И. Ленин и провозгласил первые декреты «О добровольности диспансеризации» и «О праве на выбор терапевта». Началась новая эра.

Протокол торжественного собрания, посвящённого 8 марта

Действующие лица: Генерал, Лошадь, Адъютант, группа экзальтированных женщин, группа мужчин неопределённого рода занятий.

Генерал: Товарищи женщины!

(Аплодисменты, возгласы с мест: Правильно! Верно сказано!)

Генерал (переждав аплодисменты): Несмотря на то, что вы женщины, вы наши товарищи. Не скажу, что боевые, потому что стрелять не умеете (сверяется с ведомостью зачётов по стрельбе, ловко поданной Адъютантом).

И уровень физической подготовки не всегда на хорошем уровне. Но, наверное, это не главное для женщин, товарищи. Я хотел сказать – товарищи женщины, по-товарищески говорю. Вы – лучшая половина мужского человечества нашего ведомства.

(Женщины плачут от умиления).

Генерал (спешивается и идёт навстречу толпе, она инстинктивно расступается. Останавливается и смотрит на портрет Адели на сейфе).

– А эта из какого подразделения? Хорошенькая.

– Это гражданская. Аня Михалкова, дочь известного композитора Никиты Михалкова, – подсказывает Адъютант.

(В толпе кто-то тихо ругается матом).

Генерал (подкручивает усы и продолжает речь, воодушевляя сам себя):

– Если вдуматься (вдумывается), то 8 марта – это женский Новый год. Шампанского!

(Адъютант вынимает из рукава открытую бутылку шампанского, наливает Генералу).

Генерал (крякает, вытирает губы шторой): Вчера я принял коллективное решение, что завтра, то есть сегодня...

(Все считают в уме, шевеля губами)

... женщины могут уйти со службы на 9, нет, на 10 минут раньше. Обороноспособность страны от этого не пострадает. Кто считает так же, перед уходом пусть отметится у дежурного. Дежурному – доложить фамилии ушедших мне лично, через Адъютанта.

(Возглас из толпы: Есть!)

Генерал: Шутка!

(Некоторые смеются. Остальные записывают фамилии смеющихся).

Генерал (резким движением выхватывает из кобуры букетик цветов. Женщины шарахаются):

– Желаю вам, дорогие женщины, здоровья, позволяющего ходатайствовать о продлении контракта после достижения предельного возраста нахождения на военной службе...

(Лошадь просовывает голову над плечом Генерала и ест цветы. Букетик превращается в веник).

... весеннего настроения...

(Луч солнца проникает через жалюзи и касается макушки Генерала. Появляется лёгкий дымок и запах серы. Генерал морщится и отступает в тень).

...и мирного неба над рабочим местом. А теперь разрешите преподнести вам небольшой знак внимания.

(Смотрит на веник, потом – на Лошадь. Лошадь краснеет).

Генерал: Гм. Главное поощрение – отсутствие взысканий.

(протягивает веник старшей по званию сотруднице. Та прижимает его к лицу и наслаждается ароматом).

Генерал: Все свободны. В смысле – с праздником!

Занавес.

Отчётное совещание, или Сбор камней в пустыне

(пьеса-импровизация с неожиданным финалом, обусловленным отсутствием времени у автора, занятого чёрт знает чем)

*«Подчинённый перед лицом начальствующим
должен иметь вид лихой и придурковатый,
дабы разумением своим не смущать начальство»*

Пётр I

*Листья упавшие!
Вас больше, чем листьев
Цветущих...*

Древнее хокку

Действующие лица:

Генерал (бас), Первый оратор (драматический тенор), Второй оратор (лирический тенор), Секретарь совещания (меццо-сопрано), сотрудники неопределённой внешности и рода занятий, прохожие (хор), Уборщица.

Первый оратор (бубнит): В шестое лето от воцарения действующего директора, да будут длинны его дни, как длинна тень от поставленного на хвост стратегического бомбардировщика...

Хор: Длинна, ой длинна тень самолёта крылатого и длинны дни во блаженстве директорском! Ой, в облаках летит наш соколик на креслице высоченьком! Ой да люли-разлюли...

Генерал: А можно без завываний?! Захочу вопли послушать, на хвост наступлю кому-нибудь! Что сделано в отчётном периоде?! Докладывайте кратко и по существу! Я занят!!! (Засыпает).

Первый оратор: За отчётный период претерпели изменение границы отчётного периода (отчёт в январе за декабрь перенесён в мартовский отчёт за апрель).

Проведена сверка отчётов территорий, присланных в бумажном виде, с их электронными копиями. Расхождений не выявлено.

Генерал: Проводился ли сравнительный анализ электронных копий, полученных в этом году и в прошлом?

Первый оратор: Проводился. Они отличаются только количеством знаков, включая пробелы.

Генерал: Чем вызвано такое несоответствие?

Первый оратор (панически): Бе. Ме.

Второй оратор: Заменой чёрных клавиатур на белые.

Генерал: Продолжайте.

Первый оратор: Проведено сопоставление планов территорий с отчётами об их выполнении. Анализ показал, что каждая территория отчитывается по своему плану, а не по чужому. Видим в этом резерв для повышения уров-

ня взаимодействия территориальных управлений, координации их усилий при выполнении планов друг друга.

По результатам изучения состояния работы в ходе командировок нами подготовлен обзор, доложенный директору. Он лично ознакомился с ним и наложил внушительную резолюцию. Содержание резолюции («Что это за х...ня?!!!!!») свидетельствует о том, что высшее руководство глубоко владеет обстановкой по нашей линии работы, уделяет ей особое внимание.

Генерал (просыпается при слове «директор»): Как идёт исполнение резолюции директора?

Первый оратор: Определены ответственные, подготовлен тематический план. Пока выдерживаем график освоения бюджетных ассигнований.

Генерал: Какое методическое воздействие оказывается на территориальные управления (в контексте резолюции директора)?

Первый оратор: В подчинённые органы направлено два килограмма указаний по организационным вопросам.

Второй оратор: Два двести.

Первый оратор: Два килограмма – на глаз, два двести – по медицинским весам. Фактов невыполнения наших указаний не выявлено в связи с тем, что они не доходят до адресатов.

Генерал: В каком смысле – не доходят? Почта плохо работает? У курьеров чума?

Первый оратор: Не в почтовом смысле. Не доходят до мозгов. По причине отсутствия у личного состава умений складывать буквы в слова. Поэтому нами уделяется особое внимание взаимодействию с Академией.

Эта работа, правда, затруднена тем, что многие корпуса Академии сильно пострадали от бомбардировки фашистской авиацией в 1942 году. Конечно, ремонтные работы ведутся, но их темп ещё невысок. В некоторых аудиториях, в основном на 6 этаже, отсутствуют полы. По невыясненным пока причинам это привело к отсутствию потолков в аудиториях на 5 этаже.

Указанные обстоятельства вынуждают нас внедрять методы дистанционного обучения слушателей (через окна аудиторий, посредством рупора или разброса лекционных материалов).

Вместе с тем, несмотря на трудности, в первом полугодии подразделением были проведены 5000 часов лекционных и семинарских занятий...

Генерал (просыпается): Как это – «подразделением проведены»? Подразделение заходило в аудиторию? Подразделение стояло у доски? Что проводило занятия на самом деле?

Второй оратор: Ну... Я проводил.

Генерал: Ты считаешь себя подразделением?

Второй оратор: Э... Никак нет, если только его частью.

Генерал: Ну и докладывать нужно соответственно: «Частью подразделения проведены занятия. В части касающейся».

Второй оратор: Есть!

Секретарь совещания: Скажите, мне точно все реплики нужно включать в протокол?

Генерал: Не успеваешь? Учи матчасть! Владей проблемами! Грызи препятствия! Мы ещё медленно говорим! А если бы я говорил быстро? Примерно вот так говорил бы как сейчас говорю обезьяна?!?!

Секретарь совещания (сопит, нарушая регламент): Я думал... Только основные тезисы...

Генерал: Дурак! Какие тезисы?! Не видишь – мы под кайфом! Возьми прошлогодний протокол!

Секретарь совещания: Дык... Там тоже самое примерно было...

Первый оратор: Ну, возьми совсем старый протокол! До момента заключения межведомственного соглашения с Узбекистаном о поставке гашиша для служебных нужд!

Секретарь совещания: Соглашение датируется 1999-м годом... Там еще Ельцин упоминается...

Генерал: Да вставь хоть Обаму вместо Ельцина! Кто твой протокол читать будет?

Секретарь совещания: Инспекция как-то приходила читать.

Второй оратор: Здесь не библиотека! И они всё равно неграмотные, как утки!

Первый оратор: У этих уток такие клювы, что рельсы пополам перекусывают. Пусть лучше читают.

Хор: То не тучи грозные, то инспекция... Приближается неминуемая...

Уборщица (заглядывает в кабинет Генерала и, убедившись, что в нём никого нет, запирает на ключ).

Занавес.

Пятничное совещание

(бытовая сцена)

*Посвящается Р. Карцеву,
его большому и маленьким ракам,
а также огромной жабе*

Действующие лица: Генерал, сотрудники.

Генерал: Добрый день, уважаемые коллеги! Сегодня пятница и, по сложившейся традиции, мы проводим отчётное пятничное совещание.

Обычно мы собираемся по пятницам, вот как сегодня. Это не совпадение, что сегодня пятница, и мы все здесь. Нужно понимать, что пятничные совещания проводятся по пятницам, а никак не по четвергам. Есть распространённое заблуждение, будто пятничные совещания могут проводиться по четвергам. Поясню на примере: вот вчера был четверг, но кто из вас был на отчётном совещании? Вы? А может, быть вы? Молчите? Конечно, молчите, потому что вы не были вчера на совещании, которое проводится сегодня. Кстати, почему вы не были на совещании? Правильно, потому что нельзя было провести вчера сегодняшнее совещание. А вчерашнее – сегодня.

Конечно, конечно, предвижу возражение! Вы не думайте, что в стометровых кабинетах дураки сидят! Если бы вчера была пятница, скажете вы, было бы и совещание. Это так, но дьявол-то кроется в деталях! Вчера был четверг, потому что пятница сегодня. Будь вчера четверг, то есть пятница – нет вопросов, мы сидели бы вот как сейчас. Но вчера был четверг и мы сидели как придется, каждый сам по себе. Если бы вчера кто-нибудь из вас пришел бы на совещание, он увидел бы закрытую дверь... Но я отвлекся!

Есть одно вреднейшее явление. Некоторые сотрудники (не буду говорить, кто, но это ты, ты и ты, не прячься. И вы шестеро)... Так вот, некоторые называют четверг «полупятницей». Как это? Если четверг – «полупятница», то, значит, мы должны проводить «полусовещание»? Это как?! Пришёл руководитель, но больше никто не пришёл? Зачем же нужен руководитель, если нечем руководить? Или еще хуже: вы все пришли, а я нет. Утратил контроль над обстановкой, собрал коллектив, но не возглавил его?! У меня это в голове не помещается, так что давайте не будет подрывать основы военной службы. Если кому-то так уж хочется приблизить пятницу, называйте среду «полупятницей», но никак не четверг, чтобы не путаться. В принципе, для ясности, можно называть и вторник «получетвергом».

Меня часто спрашивают, чем пятница отличается от четверга... Кажется бы, тем, что в пятницу проводится совещание. Поверхностный ответ! Нет, сто раз нет!!! Отличается тем, что в четверг совещания не проводятся.

Если бы можно было проводить совещания по четвергам... (задумывается). Тогда пятница бы не наступила никогда, ведь именно отчётное совещание подводит итоги рабочей недели. Точнее, не само совещание подводит итоги, а я, выступающий на совещании. Пятничном, подчеркиваю еще раз.

Если бы сегодня был четверг... (мучительно задумывается, шелестя листками календаря).

Сотрудники осторожно покидают кабинет.

Солнце опускается за соседнее здание, освещая макушку Генерала. Его волосы шевелятся, как тростник на осеннем болоте.

Занавес.

Проба тормозов

(сцена в двух лицах)

Действующие лица: Бессмертный Кадровик (внешность портфельного типа, движения основательные), Рядовой Военнослужащий (внешность портупейного типа, движения порывистые).

Военнослужащий: Разрешите обратиться?

Кадровик: Как?

Военнослужащий: ?

Кадровик: Как вы ко мне хотите обратиться?

Военнослужащий: А как вас зовут?

Кадровик: Меня зовут «товарищ полковник».

Военнослужащий: Товарищ полковник!

Кадровик: !

Военнослужащий: Докладываю о прибытии для дальнейшего прохождения службы (протягивает бумаги).

Кадровик (смотрит в бумаги): Докладывать о прибытии нужно после прибытия.

Военнослужащий: Так я же прибыл.

Кадровик: Нет, не прибыли.

Военнослужащий: Да вот же я.

Кадровик: Не вижу.

Военнослужащий: ?

Кадровик: Не вижу отметки о прибытии, свидетельствующей о прибытии военнослужащего.

Военнослужащий: Какой отметки? Где?

Кадровик: Отметки о прибытии, которая проставляется прибывшему военнослужащему, чтобы зафиксировать факт его прибытия. Напротив графы «отметка о прибытии». Выглядит как галочка, то есть птица с раскинутыми крыльями. Типовой размер – 3-5 миллиметров.

Военнослужащий: А нельзя ли поставить отметку сейчас, с учётом фактического прибытия?

Кадровик: Нельзя, потому что только отметка свидетельствует о фактическом прибытии. Без неё нельзя подтвердить сам факт фактического прибытия.

Военнослужащий: Что же мне теперь делать?

Кадровик: Это вопрос не ко мне, а к должностному регламенту. Я занимаюсь (в пределах своей компетенции) вопросами проставления отметок о прибытии военнослужащих, а также организацией контроля за надлежащим проставлением указанных отметок. (Пристально смотрит на карандаш. Карандаш вянет). Уже сорок восьмой год. Ни единого взыскания за всё время. Из благодарностей в рамочках могу дом построить. Разработал образцы галочек, принятые на вооружение. Разработал Методические рекомендации по проставлению галочек в условиях плохой видимости, а также в чрезвычайных ситуациях. Лист А4 могу разлиновать на графы в полной темноте. На ощупь могу определить, разлинован ли лист. По наружным потёртостям на кабинетной двери могу определить, есть ли в кабинете разлинованные листы.

И сложная ведь какая служба, столько нюансов... Вот, помнится, был случай, когда прибывшему военнослужащему, вместо отметки о прибытии, снова поставили отметку об убытии. Графы перепутали. Получилось, что он два раза убыл, но никуда не прибыл. Все с ног сбились, пытаюсь понять, куда он подевался. Финансистов подключили. Дважды сняли его с довольствия... Наверное, до сих пор бродит где-то с документами. В общем, заходите, когда придёте.

Военнослужащий: Есть!

Кадровик: Вы правы, уже обед. Время летит. Работаешь, не поднимая головы (запирает кабинет, выходит). Военнослужащий остаётся наедине с сумерками.

Занавес.

Приказ по личному составу

До Наших высочайших ушей дошли сведения, что Вы дерзаете в часы, отведённые для трудов праведных, обедать в библиотеке. Дошли также сведения, что Вы ведете речи скромные и супротивные начальству среди малых сотрудников, находящихся под одной сенью с Вами.

Сие есть смутьянство предерзостное, коего приметы не впервые зрю на челе Вашем.

Поелику Мы облечены верховной властью и ведаем в сердцах и умах всех подвластных тварей, существ и сотрудников,

повелеваем:

– впредь писать прошения на Высочайшее имя всякий раз, когда помыслите выйти из комнаты, щедротами начальства предоставленной;

– день рабочий, не исключая и воскресного, начинать с первыми петухами, а заканчивать с последними летучими мышами, трудясь неустанно пользы общественной для и потомкам в назидание;

– каждое деяние своё сопровождать торжественными и зело громкими песнопениями, славящими непосредственное начальство и всех вышепоставленных;

– к новому же делу приступать, оборотясь в сторону Моего местопребывания, и вознёсши хвалу Моей мудрости светозарной и человеколюбию.

Преступитель сего в не токмо непослушании, но бунтарстве и подрывании основ изощрён есмь и посему зело наказан быть имеет.

Да убоится всякий не прочитав, а прочитав, не рассказать громогласно о настоящем повелении.

Собственная Его Императорского Величества канцелярия,

17 мартабря 3-го года Эры Упыря.

Психологический тест для госслужащего

Уважаемый сотрудник!

Далее сформулирован ряд утверждений, раскрывающих Вашу человеческую сущность, стиль общения с людьми, состояние душевного и личного здоровья.

Определите своё отношение к этим утверждениям, выбрав один из следующих вариантов ответов:

- Безусловно.
- Скорее безусловно, чем безусловно.
- Безусловно, что безусловно.
- Небезусловно, безусловно.
- Скорее да.
- Скорее нет.
- Лучше удавиться, чем согласиться.

! Не пытайтесь «угадать» правильный вариант ответа. Расслабьтесь и прислушайтесь к своему внутреннему голосу.

1. Вы полностью поддерживаете политику России в Южной Америке.
2. Вы часто ощущаете посторонние предметы в носу и ушах.
3. Вы ощущаете свои уши в качестве посторонних предметов.
4. Вы любите быть в центре внимания.
5. Вы не любите быть не в центре внимания.
6. Не быть в центре внимания любите Вы не.
7. Вам не нравится, когда в центре внимания не Вы, а Ваши домашние животные.
8. Вы испытываете удовлетворение от мучений своих коллег, вызванных Вашим присутствием.
9. Вашим коллегам нравится мучить Вас своим присутствием.
10. Вы любите наблюдать за сексуальной жизнью Ваших домашних животных (даже когда не участвуете в ней).
11. Вам нравится наука.
12. Вы нравитесь науке.

13. Ваши домашние животные часто делают Вам замечания по поводу Вашей сексуальной жизни.

14. Вы любите дразнить людей, не участвующих в выборах депутатов Мосгордумы.

15. Вы любите оглядываться на проходящих мимо людей одного с Вами пола.

16. Вы любите пугать проходящих мимо людей, оглядываясь на них.

17. Вы скорее гуманитарий, чем техникотарий.

18. Вы скорее монархист, чем блондинка.

19. Вы испытываете душевный подъём, спускаясь по ступенькам.

20. Иногда Вы приходите на деловые встречи, забыв снять лыжные ботинки.

21. Иногда Вам кажется, что Гегель – растение.

22. В детстве Вы часто бились головой о шпалы для самоутверждения.

23. Вы чувствуете себя настолько выше окружающих, что не раз пытались травить их дустом.

24. В прошлой жизни Вы были собственным подчинённым.

25. Вы можете на ощупь отличить глобус от человеческой головы, за исключением собственной.

Примечание составителя:

Лица, положительно ответившие на все вопросы, рекомендуются к назначению на руководящие должности. Иные лица подлежат немедленному аресту в лаборатории.

Разговор в курилке о музыке

Собеседники: два полковника цвета спелых баклажанов. Антураж: курилка, в которой выются мухи-токсикоманки.

Примечание: реплики приводятся в подлинном виде, за исключением некоторых оборотов, могущих слишком поразить интеллигентного читателя.

– Слышь, я тут вчера у Малахова передачу смотрел. Про чувака, который с Бабкиной живет. Певец какой-то. Шаляпин фамилия.

– Ты ёбну...ся? Шаляпин давно помер.

– Сам ты помер. Говорю же, вещал в студии, как с Бабкиной живёт. У него ещё шарфик на шее, как у того старого *гомося*, который «Модный приговор» ведёт. Он, кстати, там же сидел.

– А зовут его как?

– Гомося?

– Нет, того, который помер и о себе рассказывает.

– Говорю же: Шаляпин.

– А имя у него есть или он просто – мистер Бабкин?

– На «ор» как-то. Может, Фёдор.

– Фёдор точно помер.

– Тогда Прохор.

– Фёдорович?

– Малахов не сказал. Может, и Фёдорович.

– Фёдоровичи тоже все померли.

– Ты их с Рюриковичами не путаешь?

– Какими Рюриковичами?

– Которые, типа, царями были или президентами, типа того.

– Так они же не пели.

– Которые, может, и пели, х... знает. Это еще до Ельцина было, х... знает когда. Может, и до Андропова. Лет двести назад.

– До Андропова никого не было. Нас, когда в Академии учились, возили на портреты смотреть. Андропов висел и до него ещё портретов пять, а дальше – голая стена. Ни Рюриковичей, ни Бабкиной, никого.

– Может, стена короткая? Бабкина точно до Ельцина была.

– Гонишь!

– Гонят молодежь на вывоз мусора, а я тебя по истории просвещаю.

– Так как же этот Фёдорович с ней живет? Что он с ней делает?

- Догадайся.
 - Иди ты! А как?
 - Не показывали.
 - А что показывали?
 - Да как Бабкина поёт, а этот все морду шарфиком прикрывает.
 - Дак шарфик же у старого гомосея, ты сказал.
 - Ну. Он Бабкиной морду и прикрывает.
 - Зачем?
 - Не знаю. Может, страшная очень.
 - А зачем её Малахов позвал?
 - Да он красивых и не зовёт. Грамотный мужик: посмотришь на его уродов, так сам себе Шароном Стоуном покажешься.
 - А это ещё кто? Или местный, из наших?
 - Ты совсем тёмный, как я погляжу. Ни про Рюриковичей не знаешь, ни про кого. Малахова больше смотри, а не кури в рабочее время.
- (Расходятся).

Москва – Мытищи

Она всё еще горит. Каждый вечер прохожу мимо неё и удивляюсь. Всё в мире меняется ежеминутно, но есть она, эта константа. Горит, горит, откуда, сверху и из прошлого, из коммунистических времён, абстрактная красная блямба над гостиницей «Ленинградская». Если этот маяк виден – ты в Москве. Если нет – в Мытищах. Если блямба справа – ты едешь в Мытищи. Если слева – ты из Мытищ припёрся в Москву. Если посередине – значит, ты стоишь и тупо смотришь на блямбу. Если она то слева, то справа – ты ходишь вокруг гостиницы, не зная куда податься.

Я смотрю на блямбу-маяк, она смотрит на меня. Мы оба занимаемся не своим делом. Маяк должен призывать корабли, но подползают только поезда.

В марсианской столице нет моря. Я, в свою очередь, должен... А чёрт его знает, что я должен и кому.

Вид площади и вокзала слишком своеобразен, чтобы его описать. Бедны для этого все виды искусства, включая декоративно-прикладные. Принимаю Площадь трёх вокзалов, по форме схожую с отметиной на лысине сверхгигантского Горбачёва, как необходимое зло, которое нельзя преодолеть, но можно миновать.

Торжеству зла мешает лишь памятник Лермонтову. Ничто не связывает этот сюрреалистический пейзаж с именем Лермонтова и не найти во всей Вселенной ничего, менее заслуживающего названия «лермонтовские места». Но памятник стоит, выслушивая за день миллионы раз вопрос «Кто это? Вот это – чё за мужик?»

Я знаю, кто это, и это тайное знание меня однажды погубит. Самое опасное здесь – это интеллигентное выражение лица. Скорее прогоняю его, ведь у меня и так в руке не лопата, не баул, не коляска, не котомка и не мешок с навозом, а всего лишь портфель – отягчающее обстоятельство. Придаю лицу напряжённо-злобно-тупо-наступательное выражение, походка становится такой же и даже безобидный портфель уже выглядит как трофей, отнятый в подворотне у какого-то мажора.

В памяти проносятся парижские вокзалы, куда люди приходят просто так, выпить чашечку кофе. Потому что чисто, красиво и помпезно. Контраст с моим вокзалом такой, что кажется, будто он – из параллельной Вселенной, такой вот антивокзал с антипассажирами в антипоездах.

Подходит мытищинская электричка. На её железном заду красуется символическое обозначение конечной станции: «Мы». Остальные буквы отсутствуют, но это никого не ставит в тупик, все в курсе. Постороннему не добраться даже до турникетов, будь он трижды чемпион по многоборью.

В тамбуре арктический холод и снег. Наверное, из-за оторванных дверей. Так странно, что их отрывают только зимой, летом дверей даже больше,

чем нужно. Быть может, двери обрывают последователи легендарного шизофренического моржа Порфирия Иванова, желая закалить пассажиров.

Впрочем, никто бы не удивился, увидев этих бодрых существ, поедающих снег между пением частушек. Здесь видели всё. Голливудский блокбастер «Фантастические твари и где они обитают» снимался именно здесь, но сложно сказать, на какой платформе. На любой.

Электричка трогается и в тамбуре-распашонке температура падает ещё на 30 градусов. Взрослые самцы инстинктивно и молниеносно выстраиваются в ряд, выставя рога навстречу ураганному ветру. За их спинами сбиваются в кучу женщины и молодежь. Кто-то подблеивает, кто-то умудряется дочавкивать семечки.

Не теряя места в строю, я задремал и не ощутил, как на плечо мне сел Снежный Ангел. Он зашептал мне сразу в оба уха: «Не вылезай ты в этих своих Мытищах! Что это за название такое? Как будто в коровнике что-то разлито и нужно перешагнуть! Чуть в мытищи не вступил! Езжай со мной дальше, в Сергиев Посад!

О, Сергиев Посад!

Там, среди райских садов, разливают огнедышащий глинтвейн, посыпанный шоколадной крошкой и лепестками иван-чая. Там всегда продают скумбрию с головой, потому что отлично понимают то, чего никак не поймут в Москве, со всеми её академиями, – что самое вкусное у скумбрии – это голова! Там, понимаешь ли, обитают прекрасные гурии, носящие полушубки на пять размеров больше, чтобы немедленно обнять и дать приют замёрзшему скитальцу. А на центральной площади светит настоящий неразбитый фонарь, на который можно смотреть и мечтать!»

Я трясущими плечами, потому что понимаю, что это вовсе не Снежный Ангел, а Супостат, желающий моей гибели. Стоит мне попасть в Сергиев Посад, как я застряну там навечно. Нет и не будет никогда дороги, ведущей за Мытищи. Каждый школьник знает, как Будённый в «битве народов» загнал монголо-татар за Мытищи и пропали они там.

Каждый знает, что за Мытищами нет обитаемой земли. А как же карта России, спросите вы? Та самая, где от Москвы ещё немерено территории во все стороны? Та самая карта, длиной в две лыжные палки, где даже самих Мытищ нет?

Вымысел – отвечу я вам. Достоверно известно, что все великие русские путешественники, типа Беринга или, как его, второго еврея, Крузенштерна, в общем все, начиная с Ермака и Гоголя, вплоть до Брежнева, получив от государыни наказ расширить государство, доезжали только до Мытищ. Они оглядывались, тут же садились в кабаке и начинали гудеть от безысходности. Пропив за несколько недель лошадей, обозы и дружинников, они нанимали за копейку художника, который и рисовал на картах всё, что в голову взбредёт. Да вы посмотрите на эту карту внимательнее! Да разве может существовать на самом деле город Сыктывкар? А город Васюган с рекой Дудыптой? Это же просто пьяное бормотание, а не названия реальных мест. А потом путешественники возвращались в Петербург, а нарисованные карты отдавали в Академию наук. А те переносили всё на глобус. А с глобуса всё переносилось в головы школьников.

Конечно, если какой-то пытливый и недоверчивый ум решит встать на крепостной стене Мытищ и смотреть вдаль... Прищурившись... То в хорошую погоду кажется, будто и дальше люди живут. Дым виден, силуэты как будто зданий... Но кто знает, что там? Может, гейзеры дымят на краю планеты, имеющей форму кабацкой скатерти... Или просто миражи. Ведь не случайно на станции Мытищи такая прорва народу выходит. Недавно вот кавказскую овчарку затоптали как хомячка.

Все знают, что это последняя человеческая станция, а за ней – непознанное пространство, земля кентавров или крокодилов. Или просто буддистская пустота.

Конечно, кто-то ещё остаётся в электричке и едет дальше, за Мытищи... Куда? И кто остаётся? Лично я думаю, что это не настоящие пассажиры, а муляжи. Но кому понадобилось рассаживать по десятку муляжей в ка-

ждом вагоне? Зачем? И ведь тонкая работа какая – от настоящих людей не отличить...

Я задумался во сне над этой загадкой, но тут Снежный Ангел спросил меня:

– А как же американские беспилотники?

– Какие беспилотники? – спрашиваю я.

– А те самые, которые под китайские бумажные фонарики замаскированы и под дорожные камеры. Висят и летают целыми днями над городом, патрулируют. Зачем, спрашивается?

– Зачем?

– Статистику собирают. Сколько народу в Мытищи въехало и выехало, сколько мужского пола и прочих военнообязанных, сколько довольных и недовольных политическим режимом и своим местом внутри него. А потом все данные – в Вашингтон по «Ватсапу», пусть там анализируют.

– ?

– А муляжи массовость создают. Пусть американцы думают, что и за Мытищами есть Российская Федерация. Есть населённые пункты, в которых кто-то живёт. Растит детей и строит ракеты. Геополитика.

Снова просыпаюсь и вижу, что это опять не Снежный Ангел, а просто пьяный мент привалился к моей спине и рассуждает о геополитике.

Я рывкаю вполголоса и мент исчезает.

Вглядываюсь в ночную темень и не могу понять, где мы. Вроде знакомое место, но чего-то не хватает. А! Вот водонапорная башня, но только нет на ней шестиметровой надписи «Брыкина – шалава». Замазали, чтобы освободить место для новой эсэмэски. Почти приехали.

Точно приехали. В воздухе витает аромат воблы. Толпы чучмеков на вокзальной площади продают воблу всю зиму. До декабря они продают дыни и дипломы, а потом и до середины лета – только воблу. От аромата воблы все чайки падают на землю. Их немедленно подбирают владельцы окрестных ларьков и делают беляши.

Всё это штрихи обычного пейзажа. Как и выплывающий из тумана «Красный кит», остатки забора воинской части (старожилы ещё помнят, как приграничные Мытищи были режимным объектом), апарт-отель, построенный в ожидании экономического бума, парк с самым большим в мире деревом с замками молодожёнов...

Задумавшись, я не замечаю, как двери электрички закрываются и уносят меня куда-то за Мытищи. Электричка набирает ход и я вижу, что совсем один остался в вагоне. Но что-то так я устал к концу дня, к концу недели, жизни... Что не бросаюсь к намертво заваренным дверям, а просто жду чего-то... с абсолютным спокойствием.

Русь-электричка, куда несёшься ты?

Быть может, в Сергиев Посад, который есть только на карте...

Или в другие места, откуда гостиницу «Ленинградскую» видно лишь сверху...

К.А. («Метель»)

Метель.

Длинная железная змея

движется по снегу,

не уступая силе ветра.

В её расширенных глазах –

отражение города,

нависающего, как проклятие.

Несколько слов,

прилетевших из мозга змеи,

заглушают шум толпы,

осмысленный, как бормотание спящего.

Каждый вглядывается
В пустоту перед собой,
чувствуя, что сердце сжимается
перед прыжком в глубокий
холод нового дня.

Электричка останавливается и
появляется небо,
обычное, как крышка от кастрюли,
в которой Смерть варит
человеческие овощи,
приправленные чем-то...
Горьким, как погибшая мечта.

Так кажется, если смотреть снизу,
со дна города, исцарапанного линиями метро.
А сверху, наверное,
город выглядит как
шахматная доска,
установленная матрёшками,
не знающими, как ходить.

Появляется здание,
состоящее только
из острых углов,
как будто в незапамятные времена
два корабля столкнулись и замерли,
а море ушло...

День исчезает, не оставляя за собой
ни мысли, ни строчки.

Их и так слишком много, ведь
рукописи не горят,
потому что
состоят из крови
или спрессованного пепла
уже сгоревших дней,
проведённых в свете настольной лампы,
под которой я дважды убил себя,
чтобы жить этим вечером.

Сумерки сжимают горло,
когда я возвращаюсь к началу
завтрашнего пути,
надеясь на то, что дни без тебя
уходят, чтобы не вернуться,
оглядываясь и представляя
дом, до которого
человек может доехать за час,
влюблённый — добежать за полчаса,
любящий — долететь за миг.

Я уже долетал за миг, а потом
бродил вокруг, не находя сил,
не смея, не смея, трижды не смея
поднять голову и взглянуть
на твои окна.

Так было не раз –
вечером, ночью и однажды на рассвете,
когда мне хотелось просто быть рядом,
и вдруг почувствовать, что
ты смотришь, а потом
пожимаешь плечами.

Оправдание ночи лишь в том,
что в ней ярче горят самолётные огни.

Станным образом
страх высоты соседствует
с любовью к самолётам.

Впрочем, и во мне, и вокруг
столько намешано парадоксов,
что сам Господь не разберётся,
ни на Страшном Суде,
ни на предварительном следствии,
тем более что каждый
уже подписал отказ
от ангела-адвоката.

Один самолёт летит прямо на Запад
и я снова представляю этот тусклый свет
высоко над землёй,
и в тысячный раз шепчу стюардессе
на плохом французском,
чтобы она принесла плед или что-нибудь,
хоть шкуру последнего бизона, –

укрыть кареглазую красавицу,
заснувшую у меня на плече.

И в самом конце я успеваю подумать —
может, сделали уже этот плед
на далёкой азиатской фабрике,
или ещё пасётся некая синтетическая коза—
предвестница моего счастья,
или даже загон для неё
ещё не построен...

Душа ещё долго
перешёптывается
со снежинками за окном,
превращаясь
в метель.

*Москва, Юбилейный, Мытищи,
Сочи, Пермь, Владивосток,
Тамбов, Псков, Симферополь,
Архангельск, Санкт-Петербург.
2008-2018 гг.*